

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Авотиньш (Avotiņš) против Латвии»¹

(Жалоба № 17502/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 23 мая 2016 г.

По делу «Авотиньш против Латвии» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Андраша Шайо, *Председателя Большой Палаты*,
Ишиль Каракаш,
Йозепа Касадеваля,
Элизабет Штайнер,
Яна Шикуты,
Ноны Цоцория,
Анны Юдковской,
Андре Потоцкого,
Пауля Лемменса,
Алеша Пейхала,
Фариса Вехабовича,
Ксении Туркович,
Эгидиуса Куриса,
Роберта Спано,
Юлии Антоанеллы Моцок,
Йона Фридрика Къэльбро, *судей*,
Яутрите Бриеде, *судьи ad hoc*,
а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,
рассмотрев дело в открытых заседаниях 8 апреля 2015 г. и 23 марта 2016 г.,
вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 17502/07, поданной против Республики Кипр и Латвийской Республики в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав челове-

ка и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Латвии Петерисом Авотиньшем (*Pēteris Avotiņš*) (далее – заявитель) 20 февраля 2007 г.

2. Интересы заявителя первоначально представлял Й. Эглитис (*J. Eglītis*), адвокат, практикующий в г. Риге. В рамках разбирательства в Большой Палате Европейского Суда интересы заявителя представлял Л. Лиепа (*L. Liepa*), адвокат, также практикующий в г. Риге. Власти Латвии были представлены бывшим Представителем Латвии при Европейском Суде И. Рейне (*I. Reine*), а затем действующим Представителем Латвии при Европейском Суде К. Лице (*K. Līce*).

3. Сначала жалоба была подана против Республики Кипр и Латвийской Республики. Заявитель утверждал, в частности, что суд Кипра взыскал с него долг по договору, не обеспечив надлежащим образом его явку в судебное заседание и не гарантировав права заявителя на защиту. Заявитель также жаловался на тот факт, что суды Латвии постановили привести в исполнение судебное решение суда Кипра на территории Латвии. Заявитель жаловался на нарушение его права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

4. Жалоба первоначально была передана на рассмотрение Третьей Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 30 марта 2010 г. Палата, созданная в рамках Третьей Секции, вынесла частичное решение, в соответствии с которым Палата объявила жалобу неприемлемой для рассмотрения по существу в части, касающейся Республики Кипр, ввиду несоблюдения условия о сроке подачи жалобы (нарушение шестимесячного срока, установленного пунктом 1 статьи 35 Конвенции). В части, касающейся Латвийской Республики, Палата Европейского Суда решила направить властям Латвии уведомление о поступлении жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и объявила оставшуюся часть жалобы неприемлемой для рассмотрения по существу.

5. 1 февраля 2011 г. состав Секций Европейского Суда был изменен, и жалоба была передана на рассмотрение Четвертой Секции (пункт 1 правила 25 и пункт 1 правила 52 Регламента Суда).

6. 25 февраля 2014 г. Палата, созданная в рамках Четвертой Секции, в следующем составе: Паиви Хирвеля, Председателя Палаты, Инеты Зиемеле, Георга Николау, Леди Бианку, Здравки Каладжиевой, Винсента А. де Гаэтано и Кшиштофа Войтычека, судей, а также при участии Секретаря Секции Суда Франсуазы Эленс-Пассос, – вынесла Постановление, в котором большинством голосов решила, что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. К Постановлению Палаты

¹ Перевод с английского языка Е.Г. Кольцова.

² Настоящее Постановление вступило в силу 23 мая 2016 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

Европейского Суда прилагалось совместное несопадающее особое мнение судей Инеты Зиемеле, Леди Бианку и Кшиштофа Войтычека.

7. 23 мая 2014 г. заявитель ходатайствовал о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Суда. 8 сентября 2014 г. коллегия, созданная в рамках Большой Палаты, удовлетворила данное ходатайство.

8. В соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда был определен состав Большой Палаты. Поскольку место судьи, избранного от Латвии, осталось вакантным после ухода Инеты Зиемеле, Председатель Европейского Суда назначил для заседания в качестве судьи *ad hoc* Яутрите Бриедс (пункт 4 статьи 26 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Суда).

9. Власти Латвии представили письменные замечания по существу дела, а заявитель сослался на доводы, изложенные им в ходатайстве о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда. Кроме того, были получены замечания от властей Эстонии, Европейской комиссии и Центра защиты прав человека в Европе (Центра AIRE), которым Председатель Большой Палаты разрешил представить письменные замечания (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда). Европейской комиссии также было разрешено принять участие в слушании.

10. Кроме того, в интересах надлежащего отправления правосудия Председатель Европейского Суда решил пригласить власти Кипра принять участие в качестве третьей стороны по делу и предоставить пояснения и замечания относительно законодательства Республики Кипр, относящиеся к настоящему делу (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда). Власти Кипра приняли приглашение и предоставили свои замечания 4 февраля 2015 г.

11. 8 апреля 2015 г. во Дворце прав человека в г. Страсбурге состоялось открытое слушание по настоящему делу (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейский Суд явились:

(а) со стороны заявителя:

Л. Лиэпа, представитель,

М. Шкинчис (M. Šķinčis),

М. Петерсонс (M. Pētersons), советники,

П. Авотиньш, заявитель;

(б) со стороны властей Латвийской Республики:

К. Лице, Представитель Латвийской Республики при Европейском Суде по правам человека,

С. Каулиня (S. Kauliņa), представитель,

А. Зикмане (A. Zikmane),

Д. Палчевска (D. Palčevska), советники;

(с) со стороны Европейской комиссии:

Х. Кремер (H. Krämer), представитель.

Европейский Суд заслушал выступления Лиэпы, Лице, Кремера, а также их ответы на заданные судьями вопросы.

12. Запасные судьи Элизабет Штайнер, Нона Цоцория и Пауль Лемменс заменили Председателя Большой Палаты Дина Шпильманна и судей Марка Виллигера и Изабель Берро, которые покинули Европейский Суд в связи с истечением срока полномочий и не могли принимать участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункты 3 и 4 правила 24 Регламента Суда). На судью Андраша Шайо, заместителя Председателя Европейского Суда, были возложены функции Председателя Большой Палаты для рассмотрения настоящего дела (правило 10 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

13. Заявитель родился в 1954 г. и проживает в г. Гаркальне (*Garkalne*) (Рижский район). Во время событий, лежащих в основе настоящего дела, заявитель работал консультантом по инвестициям.

А. ПРОИЗВОДСТВО В РАЙОННОМ СУДЕ Г. ЛИМАССОЛА (*LIMASSOL*)

14. 4 мая 1999 г. заявитель и F.H. Ltd., коммерческая компания, созданная в соответствии с законодательством Кипра, в присутствии нотариуса подписали соглашение о признании долга. По условиям соглашения заявитель признавал, что он получил от F.H. Ltd. заем в размере 100 000 долларов США и обязался вернуть сумму займа с процентами в срок до 30 июня 1999 г. В соглашении также содержались положения о выборе применимого законодательства и юрисдикции, предусматривавшие, что соглашение регулировалось «во всех отношениях» законодательством Республики Кипр, и устанавливалась неисключительная подсудность любых споров, возникающих на основании данного соглашения, судам Республики Кипр. В качестве адреса заявителя в соглашении была указана улица Г. в г. Риге:

«[В ЦЕЛЯХ] НАДЛЕЖАЩЕГО ВСТРЕЧНОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ Я, ПЕТЕРИС АВОТИНЬШ¹, проживающий по адресу: [№], [улица] Г., третий этаж, г. Рига, Латвия, [почтовый индекс] LV-... (далее – заемщик)».

15. В 2003 году компания F.H. Ltd. предъявила в районный суд г. Лимассола (*Επαρχιακό Δικαστήριο Λεμεσού*, Кипр) иск к заявителю, утверждая, что он не вернул вышеуказанный долг, и требуя взыскать с него сумму основного долга и начисленные проценты. В рамках разбирательства в Европейском

¹ Так в тексте оригинала Постановления (примеч. редактора).

Суде заявитель утверждал, что фактически он уже вернул долг до начала производства в суде Кипра, но он не перечислял компании F.H. Ltd. соответствующую денежную сумму, а использовал другие средства, привязанные к капиталу материнской компании F.H. Ltd. Однако заявитель признал, что у него не было документального подтверждения возврата долга. Власти Латвии оспорили утверждение заявителя.

16. 27 июня 2003 г. районный суд вынес приказ, разрешающий «запечатывание и направление судебной повестки». 24 июля 2003 г. было составлено «исковое заявление со специальной передаточной надписью», в котором подробно описывались обстоятельства дела. В качестве адреса заявителя была указана улица G. в г. Риге, то есть адрес, содержащийся в соглашении о признании долга.

17. Поскольку заявитель не являлся резидентом Республики Кипр, компания F.H. Ltd. 11 сентября 2003 г. подала в тот же районный суд *ex parte*¹ заявление с просьбой вынести еще один приказ, разрешающий вручить судебную повестку заявителю за пределами Республики Кипр и требующий от него явиться в суд в течение 30 дней с момента выдачи повестки. Адвокат компании-истцы представил affidavit, подтверждающий, что заявитель обычно проживал по адресу на улице G. в г. Риге и действительно мог получать по этому адресу судебные документы. В свою очередь заявитель утверждал, что физически он не мог получить повестку по данному адресу, поскольку это был лишь адрес места, где он подписал договор займа и соглашение о признании долга в 1999 году, а не адрес его места жительства или места работы.

18. 7 октября 2003 г. районный суд г. Лимассола вынес приказ, предписывающий вручить заявителю уведомление о разбирательстве по адресу, указанному компанией-истцей. Заявителю направили повестку, в соответствии с которой он должен был явиться или направить ответ в течение 30 дней с момента получения повестки, в противном случае суд отказывался от дальнейших попыток связаться с заявителем, предполагая размещать всю информацию о деле, которая могла появиться в дальнейшем, на доске объявлений суда.

19. В affidavitе, предоставленном сотрудником юридической фирмы, представлявшей интересы компании F.H. Ltd., указывалось, что в соответствии с судебным приказом 16 ноября 2003 г. повестка была направлена заказным письмом по адресу на улице G. в г. Риге. Однако копия повестки, предоставленная властями Латвии, была датирована 17 ноября 2003 г. В уведомлении, предоставленном почтовой службой Республики Кипр, отмечено, что повестка была направлена 18 ноября 2003 г. по адресу на улице G., доставлена и подписана 27 ноября 2003 г. Однако подпись на уведомлении не со-

ответствовала имени заявителя. Заявитель утверждал, что он никогда не получал эту повестку.

20. Поскольку заявитель не явился в судебное заседание, районный суд г. Лимассола 24 мая 2004 г. вынес решение в отсутствие заявителя. Суд постановил взыскать с заявителя в пользу истца 100 000 долларов США, или эквивалентную сумму в кипрских фунтах, а также проценты по ставке 10% годовых, подлежащих начислению на вышеуказанную сумму начиная с 30 июня 1999 г. до момента выплаты долга. Кроме того, с заявителя были взысканы судебные расходы и издержки на общую сумму 699,50 фунтов стерлингов, а также проценты по ставке 8% годовых. В соответствии с судебным решением, окончательная версия которого была составлена 3 июня 2004 г., заявитель был надлежащим образом уведомлен о судебном заседании, но не явился на него. В решении отсутствовали указания на то, являлось ли оно окончательным, и какие имелись средства судебного обжалования.

В. ПРОИЗВОДСТВО В СУДАХ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ВОПРОСУ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ СУДОВ КИПРА

21. 22 февраля 2005 г. компания F.H. Ltd. обратилась в Латгальский районный суд г. Риги (*Rīgas pilsētas Latgales priekšpilsētas tiesa*, Латвия) с ходатайством о признании и приведении в исполнение судебного решения от 24 мая 2004 г. В своем ходатайстве компания также просила о применении предварительных обеспечительных мер, подчеркивая, что заявитель владел на праве собственности недвижимым имуществом в г. Гаркалне (Рижский район), которое согласно земельному реестру уже находилось в залоге у банка. Соответственно, опасаясь, что заявитель мог попытаться уклониться от исполнения судебного решения, компания просила районный суд арестовать имущество и внести сведения о данном аресте в земельный реестр. Наконец, компания F.H. Ltd. просила взыскать с заявителя судебные расходы. В своем ходатайстве компания указала в качестве места жительства заявителя улицу Ģ. в г. Риге, то есть иной адрес, нежели тот, который ранее был указан суду Кипра.

22. 28 апреля 2005 г. Латгальский районный суд отложил производство по ходатайству компании F.H. Ltd., уведомив компанию о ряде недочетов в ходатайстве и предоставив один месяц на их устранение. В частности, компания F.H. Ltd. не объяснила, почему она указала адрес на улице Ģ., если заявитель предположительно проживал на улице G.

23. 26 мая 2005 г. компания F.H. Ltd. предоставила список исправлений, в котором она пояснила, в частности, что согласно данным реестра населения (*Iedzīvotāju reģistrs*) адресом регистрации

¹ *Ex parte* (лат.) – в пользу одной стороны (примеч. переводчика).

заявителя был адрес на улице Ģ. Что касается адреса на улице G., представители компании предложили, что это адрес фактического проживания заявителя. В этой связи власти Латвии предоставили в Европейский Суд копию письма государственного органа, ответственного за ведение реестра населения, в соответствии с которым до 19 июня 2006 г. заявитель официально был зарегистрирован по адресу на улице Ģ.

24. 31 мая 2005 г. Латгальский районный суд признал, что списка исправлений, представленного F.H. Ltd., недостаточно для устранения всех недочетов в ходатайстве компании. Соответственно, суд отказался рассматривать ходатайство и вернул его компании, которая подала апелляционную жалобу в Рижский окружной суд (*Rīgas apgabaltiesa*). Последний 23 января 2006 г. отменил приказ от 31 мая 2005 г. и вернул дело в районный суд для рассмотрения ходатайства о признании и приведении в исполнение судебного решения с учетом списка исправлений от 26 мая 2005 г.

25. 27 февраля 2006 г. Латгальский районный суд в отсутствие сторон вынес приказ, которым в полном объеме было удовлетворено ходатайство компании F.H. Ltd. Суд предписал признать и привести в исполнение решение районного суда г. Лимассола от 24 мая 2004 г., а также внести в Гаркальский муниципальный земельный реестр сведения об аресте имущества, принадлежащего заявителю в данном муниципальном образовании. Кроме того, с заявителя были взысканы судебные расходы.

26. По словам заявителя, только 15 июня 2006 г. он узнал от пристава, отвечавшего за принудительное исполнение судебного решения Кипра, о существовании этого решения и приказе Латгальского районного суда о приведении указанного судебного решения в исполнение. На следующий день (16 июня 2006 г.) он отправился в районный суд и ознакомился с содержанием судебного решения и приказа. Власти государства-ответчика не оспаривали данные факты.

27. Заявитель не пытался обжаловать в судах Республики Кипр решение кипрского суда. Однако заявитель подал промежуточную апелляционную жалобу (*blakus sūdzība*) на приказ от 27 февраля 2006 г. в Рижский окружной суд, попросив Латгальский районный суд продлить срок подачи апелляционной жалобы. Подчеркивая, что в материалах дела отсутствуют доказательства его уведомления о судебном заседании, проведенном 27 февраля 2006 г., и о вынесенном в ходе этого заседания приказе, он утверждал, что 30-дневный срок, установленный Гражданским процессуальным законом Латвийской Республики (далее – ГПЗ ЛР), должен был начать течь 16 июня 2006 г., когда он узнал о вынесении соответствующего приказа.

28. Приказом от 13 июля 2006 г. Латгальский районный суд удовлетворил ходатайство заявителем

и продлил срок подачи апелляционной жалобы, отметив, *inter alia*, следующее:

«...Из приказа от 27 февраля 2006 г. очевидно, что вопрос о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения был рассмотрен в отсутствие сторон на основании документов, предоставленных истцом [F.H. Ltd.]. Далее в приказе говорилось, что ответчик мог обжаловать его в течение 30 дней с момента получения копии [приказа] на основании пункта 2 статьи 641 ГПЗ ЛР.

Суд считает доводы, выдвинутые заявителем П. Авотиньшем, обоснованными, и полагает, что он не получал приказа... от 27 февраля 2006 г. до 16 июня 2006 г. Это подтверждается ссылкой в списке консультаций, [прилагаемом к материалам дела], и тем фактом, что приказ, направленный [заявителю] судом, вернулся 10 апреля 2006 г. ...Из документов, приложенных к апелляционной жалобе, очевидно, что заявитель не проживал по заявленному адресу на улице [Ģ.] с 1 мая 2004 г. Это подтверждают... слова представителя заявителя, озвученные в судебном заседании, о том, что заявитель более не проживает по вышеуказанному адресу.

Таким образом, 30-дневный срок должен был... начать течь с даты, когда заявитель получил соответствующий приказ...

Кроме того, суд не согласен с мнением представителя [компании F.H. Ltd.] о том, что заявитель сам был виновен в том, что он не получал корреспонденцию, поскольку не уведомил об изменении адреса в надлежащем порядке, вследствие чего срок, установленный [для подачи апелляционной жалобы], не следовало продлевать. Тот факт, что заявитель не принял необходимых мер для регистрации по месту проживания, не может служить достаточным оправданием для отказа суда от предоставления возможности осуществления фундаментальных прав, гарантированных государством: права на доступ к правосудию и судебную защиту, в том числе права на обжалование решений с последствиями, которые оно может повлечь...».

29. В апелляционной жалобе, поданной в Рижский окружной суд, заявитель утверждал, что признание и приведение в исполнение решения суда Республики Кипр на территории Латвийской Республики нарушало положения Регламента Совета Европейского союза от 22 декабря 2000 г. № 44/2001 о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (далее – Регламент Брюссель I), а также ряд положений ГПЗ ЛР. В этой связи он опирался на два довода.

30. Во-первых, заявитель утверждал, что в соответствии с пунктом 2 статьи 34 Регламента Брюссель I (содержание которого по сути совпадает с содержанием подпункта 3 пункта 2 статьи 637 ГПЗ ЛР) судебное решение не подлежит признанию, если оно было принято в отсутствие ответчика, которому официальное извещение о возбуждении дела не было вручено надлежащим образом или было вручено несвоевременно, поэтому он был

лишен возможности организовать свою защиту. Заявитель утверждал, что он не был надлежащим образом уведомлен о разбирательстве, прошедшем в Республике Кипр, хотя и кипрским юристам, представлявшим компанию-истца в районном суде г. Лимассола, и юристам Латвии, представлявшим компанию в судах Латвийской Республики, было хорошо известно о месте его работы в г. Риге. В поддержку своего утверждения заявитель сообщил, что у него были профессиональные контакты с юристами Кипра, звонившими ему и отправлявшими факсы в его офис, а также что он лично встречался с юристами из Латвии. Соответственно, им всем, несомненно, был известен адрес его работы. Заявитель добавил, что с ним также можно было связаться по его адресу проживания в г. Гаркалне, поскольку он был официально зарегистрирован по данному адресу в соответствии с законодательством, и юристы могли узнать это из муниципального земельного реестра, в котором указывалось, что недвижимое имущество, находившееся в его собственности, было зарегистрировано на его имя. Однако вместо того, чтобы вручить ему уведомление о разбирательстве по одному из этих адресов, известных и доступных, юристы предоставили судам сведения об адресе, который, как они прекрасно понимали, не мог быть использован.

31. Во-вторых, заявитель утверждал, что в соответствии с пунктом 1 статьи 38 Регламента Брюссель I и подпунктом 2 пункта 2 статьи 637 ГПЗ ЛР судебное решение должно подлежать исполнению в государстве, в котором оно было вынесено, чтобы можно было признать его подлежащим принудительному исполнению в государстве-участнике, в котором подано ходатайство о приведении его в исполнение. В настоящем деле данное требование было нарушено трижды. Во-первых, истец представил в суды Латвии лишь текст судебного решения, вынесенного судом Республики Кипр, не приложив к нему сертификат, требуемый в соответствии с Приложением V к Регламенту Брюссель I. В этой связи заявитель признал, что в соответствии с пунктом 1 статьи 55 Регламента Брюссель I при определенных обстоятельствах суд, в который обратились с ходатайством о приведении в исполнение иностранного судебного решения, может освободить истца от обязанности предоставления сертификата. Но в настоящем деле Латгальский районный суд не уточнил, рассматривал ли он вопрос о возможности освобождения истца от данной обязанности, и если рассматривал, то по каким основаниям истец был освобожден от этой обязанности. Во-вторых, решение, вынесенное судом Республики Кипр, не содержало указаний на то, что оно подлежало принудительному исполнению, а также на возможные средства судебного обжалования. В-третьих, хотя судебное решение должно подлежать исполнению в государ-

стве, в котором оно было вынесено, чтобы можно было привести его в исполнение в соответствии с Регламентом Брюссель I, компания-истца не предоставила документально подтвержденных доказательств того, что судебное решение от 24 мая 2004 г. подлежало исполнению на территории Республики Кипр. Принимая во внимание изложенные обстоятельства, заявитель утверждал, что отсутствовали основания для признания судебного решения и приведения его в исполнение на территории Латвийской Республики.

32. 2 октября 2006 г. Рижский окружной суд удовлетворил апелляционную жалобу заявителя, отменил оспоренный приказ и отклонил ходатайство о признании и приведении в исполнение судебного решения, вынесенного в Республике Кипр.

33. Компания F.H. Ltd. обжаловала данное решение в сенат Верховного суда Латвийской Республики. Указанный суд рассмотрел жалобу 31 января 2007 г. В начале судебного заседания представители компании F.H. Ltd. представили на рассмотрение сената копии некоторых документов, в том числе сертификат, о котором говорится в статье 54 Регламента Брюссель I и в Приложении V к Регламенту. Сертификат был датирован 18 января 2007 г. и был подписан исполняющим обязанности судьи районного суда г. Лимассола. В сертификате говорилось, что документ о возбуждении производства был вручен заявителю 27 ноября 2003 г. Заключительный раздел сертификата, где должно быть указано имя лица, против которого вынесено судебное решение, был оставлен незаполненным. Когда адвоката заявителя попросили прокомментировать эти документы, тот отметил, что их было явно недостаточно для того, чтобы судебное решение можно было признать подлежащим принудительному исполнению.

34. 31 января 2007 г. Верховный суд Латвийской Республики отменил решение окружного суда от 2 октября 2006 г. и удовлетворил ходатайство компании F.H. Ltd. о признании и приведении в исполнение решения, вынесенного судом Республики Кипр, и о внесении в земельный реестр информации об аресте недвижимости, принадлежащей заявителю в г. Гаркалне. В соответствующих частях постановления Верховного суда Латвийской Республики говорилось следующее:

«...Из доказательств, имеющих в материалах дела, очевидно, что решение районного суда г. Лимассола вступило в законную силу. Это подтверждается объяснениями, предоставленными обеими сторонами во время судебного заседания, проведенного окружным судом 2 октября 2006 г., согласно которым данное судебное решение не было обжаловано, а также сертификатом, выданным 18 января 2007 г. ...Поскольку [заявитель] не обжаловал судебное решение, замечания его адвоката о том, что он не был надлежащим образом уведомлен о рассмотрении дела иностранным судом, не имеют значения [nav būtiskas nozīmes].

Принимая во внимание вышеизложенное, Сенат полагает, что решение районного суда г. Лимасола от 24 мая 2004 г. подлежит признанию и приведению в исполнение на территории Латвийской Республики.

Статья 36 Регламента [Брюссель I] предусматривает, что ни при каких обстоятельствах иностранное судебное решение не может подлежать пересмотру по существу; в соответствии с пунктом 1 статьи 644 ГПЗ ЛР решение иностранного суда, подлежащее исполнению в государстве его принятия, после его признания исполняется в установленном данным законом порядке...».

35. 14 февраля 2007 г. Латгальский районный суд, основываясь на постановлении Верховного суда Латвийской Республики, выдал исполнительный лист (*izpildu raksts*). Заявитель незамедлительно выполнил условия, содержащиеся в исполнительном листе, и перечислил на счет пристава, представлявшего компанию-истца, сумму в размере 90 244,62 латвийских латов (приблизительно 129 000 евро), в том числе 84 366,04 латвийских латов в счет основного долга и 5 878,58 латвийских латов в качестве компенсации расходов на приведение решения в исполнение. После этого заявитель попросил снять арест с его имущества в г. Гаркалне. Двумя приказами, датированными 24 января 2008 г., судья по вопросам регистрации недвижимости (*Zemesgrāmatu nodaļas tiesnesis*) отклонил ходатайство заявителя. Заявитель подал апелляционную жалобу по вопросам права в сенат Верховного суда Латвийской Республики, который 14 мая 2008 г. снял арест с имущества заявителя.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МАТЕРИАЛЫ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

A. ОБЩЕЕ ПРАВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1. Основные права в законодательстве Европейского союза

36. В рассматриваемое время соответствующие положения статьи 6 Договора о Европейском союзе предусматривали следующее:

«1. Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, а также принципе правового государства – принципах, которые являются общими для государств-членов.

2. Союз в качестве общих принципов права Сообщества уважает основные права, как они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 г., и как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций...».

37. После вступления в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 г. статья 6 Договора о Европейском союзе гласил:

«1. Союз признает права, свободы и принципы, изложенные в Хартии Европейского союза об основных правах от 7 декабря 2000 г., адаптированной 12 декабря 2007 г., которая имеет такую же юридическую силу, как и договоры.

Положения Хартии никоим образом не расширяют компетенцию союза, как она определена в договорах.

Толкование изложенных в Хартии прав, свобод и принципов производится в соответствии с общими положениями раздела VII Хартии, регулирующего ее толкование и применение, и с надлежащим учетом предусмотренных в Хартии разъяснений, которые указывают источники ее положений.

2. Союз присоединяется к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это присоединение не изменяет компетенции союза, как она определена в договорах.

3. Основные права, как они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций, входят в содержание права союза в качестве общих принципов».

38. С 1 декабря 2009 г. соответствующие положения Договора о функционировании Европейского союза предусматривают следующее:

«...Статья 67

1. Союз образует пространство свободы, безопасности и правосудия при уважении основных прав и различных правовых систем и традиций государств-членов...

4. Союз облегчает доступ к правосудию, в частности, с помощью принципа взаимного признания судебных и внесудебных решений по гражданским делам...

Статья 81

1. Союз развивает судебное сотрудничество по гражданским делам с трансграничными последствиями, которое основано на принципе взаимного признания судебных и внесудебных решений. Данное сотрудничество может включать в себя принятие мер по сближению законодательных и регламентарных положений государств-членов.

Статья 82

Судебное сотрудничество по уголовным делам основано в союзе на принципе взаимного признания приговоров и судебных решений и включает в себя сближение законодательных и регламентарных положений государств-членов в сферах, указанных в § 2 и в статье 83...».

39. Наконец, пункт 2 статьи 249 Договора об учреждении Европейского сообщества (в редакции, действовавшей в рассматриваемое время, которая идентична по содержанию пункту 2 статьи 288 Договора о функционировании Европейского союза) устанавливает, что:

«Регламент предназначен для общего применения. Он является обязательным во всех своих частях и подлежит прямому применению во всех государствах-членах».

40. Соответствующие положения Хартии Европейского союза об основных правах (которая в рассматриваемое время еще не имела обязательного характера) устанавливают следующее:

«...Статья 47. Право на эффективное обжалование и на доступ к беспристрастному суду

Каждый, чьи права и свободы, гарантированные правом союза, были нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты в суде при соблюдении условий, предусмотренных в настоящей статье.

Каждый имеет право на справедливое, публичное рассмотрение его дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, который предварительно учрежден законом. Каждый может привлечь себе адвоката, защитника и представителя...

Статья 51. Сфера применения

1. Положения настоящей Хартии при соблюдении принципа субсидиарности адресуются институтам, органам и учреждениям союза; данные положения также адресуются государствам-членам, но только в том случае, когда государства-члены претворяют в жизнь право союза. Таким образом, они соблюдают права, следуют принципам и содействуют их применению в рамках своей соответствующей компетенции и при соблюдении пределов компетенции союза, предоставленной ему в договорах...

Статья 52. Пределы гарантированных прав

1. Любое ограничение на осуществление прав и свобод, признанных настоящей хартией, должно предусматриваться законом и уважать основное содержание данных прав и свобод. При соблюдении принципа пропорциональности ограничения могут вводиться лишь тогда, когда они являются необходимыми и действительно соответствуют целям общего интереса, признанным союзом, или потребности защиты прав и свобод других лиц...

3. В той мере, в какой настоящая хартия содержит права, корреспондирующие правам, гарантированным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, значение и действие данных прав совпадают с теми, которые придает им упомянутая конвенция. Это положение не препятствует предоставлению более широкой защиты со стороны права союза.

4. В той мере, в какой настоящая хартия признает основные права, вытекающие из общих для государств-членов конституционных традиций, данные права должны толковаться в согласии с упомянутыми традициями...

Статья 53. Уровень защиты

Ни одно из положений настоящей хартии не должно толковаться как ограничивающее или посягающее на права человека и основные свободы, признанные в рамках своей соответствующей области применения правом союза, международным правом и международными конвенциями, в которых участвуют Союз или все государства-члены, особенно, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также конституциями государств-членов...

41. В Постановлении по делу «Кромбах против Бамберски» ((Krombach v. Bamberski) от 28 марта 2000 г., дело № C-7/98, ECR I-1935) Суд Европейского союза (до вступления в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 г. известный как Суд Европейских сообществ) отметил, что:

«...25. Суд последовательно подчеркивал, что основные права являются неотъемлемой частью общих принципов права, соблюдение которых обеспечивает суд (см., в частности, мнение 2/94 [1996] ECR I-1759, § 33). С этой целью Суд черпает вдохновение из общих для государств-членов конституционных традиций и из руководящих положений, содержащихся в международных договорах о защите прав человека, в отношении которых государства-члены осуществляли сотрудничество или которые они подписали. В этом отношении Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) имеет особое значение (см., *inter alia*, дело № 222/84 “Джонстон против Главного констебля корпуса королевских констеблей Ольстера” (Johnston v. Chief Constable of the Royal Ulster Constabulary), [1986] ECR I-1651, § 18).

26. Таким образом, Суд прямо признал общий принцип права Сообщества, согласно которому каждое лицо имеет право на справедливое судебное разбирательство, которое вдохновляется этими основными правами (дело № C-185/95 P “Компания “Бауштальгевебе” против Комиссии” (Baustahlgewebe v. Commission), [1998] ECR I-8417, §§ 20 и 21, и Постановление по объединенным в одно производство делам №№ C-174/98 P и C-189/98 P “Нидерланды и Ван дер Вал против Комиссии” (Netherlands and Van der Wal v. Commission) от 11 января 2000 г., [2000] ECR I-0000, § 17).

27. Пункт 2 статьи F Договора о Европейском союзе (ставший после внесения изменений пунктом 2 статьи 6) закрепляет данную прецедентную практику, предусматривая следующее: “Союз в качестве общих принципов права Сообщества уважает основные права, как они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, подписанной в г. Риме 4 ноября 1950 г., и как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций”...».

42. В Постановлении по делу «Компания “АСМЛ Нидерланды БВ” против компании “Семикондактор Индастри Сервисиз ГмбХ” (SEMIS)» ((ASML Netherlands BV v. Semiconductor Industry Services GmbH (SEMIS)) от 14 декабря 2006 г., дело № C-283/05, ECR I-12041) Суд Европейского союза повторил:

«...26. В соответствии со сложившейся прецедентной практикой основные права являются неотъемлемой частью общих принципов права, соблюдение которых обеспечивает Суд... С этой целью Суд черпает вдохновение из общих для государств-членов конституционных традиций и из руководящих положений, содержащихся в международных договорах о защите прав человека, в отношении которых государства-члены осуществляли сотрудничество или которые они подписали. В этом отношении Европейская

конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) имеет особое значение...

27. В соответствии с толкованием, данным Европейским Судом по правам человека, из Конвенции следует, что права защиты, вытекающие из права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в статье 6 Конвенции, требуют особой защиты, призванной гарантировать эффективное осуществление прав ответчика (см. Постановление Европейского Суда по делу «Артико против Италии» (Artico v. Italy) от 13 мая 1980 г., Series A, № 37, § 33, и Постановление Европейского Суда по делу «Т против Италии» (T v. Italy) от 12 октября 1992 г., Series A, № 245 C, § 28)...

43. В Постановлении по делу «Компания “ДЕБ Дойче Энергиехандельс-унд Бератунгсгезельшафт мбХ” против Федеративной Республики Германия» ((DEB Deutsche Energiehandels- und Beratungsgesellschaft mbH v. Bundesrepublik Deutschland) от 22 декабря 2010 г., дело № C-279/09, ECR I-13849), вынесенном после вступления в силу Лиссабонского договора, то есть после того, как Хартия об основных правах сравнивалась по юридической силе с договорами, Суд Европейского союза признал, что:

«...29. Рассматриваемый вопрос, таким образом, касается права юридического лица на эффективный доступ к правосудию и, соответственно, в контексте права Европейского союза – принципа эффективной судебной защиты. Данный принцип является общим принципом права Европейского союза, вытекающим из общих для государств-членов конституционных традиций, которые были закреплены в статьях 6 и 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в г. Риме 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция)...

30. Что касается основных прав, после вступления в силу Лиссабонского договора важно учитывать Хартию, которая сравнивалась “по юридической силе с договорами” в соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 6 Договора о Европейском союзе. Пункт 1 статьи 51 Хартии гласит, что ее положения адресуются государствам-членам, когда последние обеспечивают претворение в жизнь права Европейского союза.

31. В этой связи пункт 1 статьи 47 Хартии предусматривает, что каждое лицо, чьи субъективные права и свободы, гарантированные правом союза, были нарушены, имеет право на эффективное обжалование в суд при соблюдении условий, предусмотренных в данной статье. В соответствии с пунктом 2 статьи 47 каждое лицо имеет право на справедливое публичное рассмотрение его дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, который предварительно создан на основании закона. Каждое лицо может пользоваться услугами адвоката, защищать себя и иметь представителя. Пункт 3 статьи 47 Хартии прямо предусматривает, что тем, кто не располагает достаточными средствами, предоставляется юридическая помощь в той мере, в которой данная помощь необходима для обеспечения эффективного доступа к правосудию.

32. Согласно разъяснениям, относящимся к данной статье, которые в соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 6 Договора о Европейском союзе и пунктом 7 статьи 52 Хартии должны приниматься во внимание в процессе толкования Хартии, пункт 2 статьи 47 Хартии соответствует пункту 1 статьи 6 Конвенции...

44. В Постановлении по делу «Компания “Гасконь Зак Дойчланд ГмбХ” против Комиссии» ((Gascogne Sack Deutschland GmbH v. Commission) от 26 ноября 2013 г., дело № C-40/12 P) Суд Европейского союза подчеркнул преемственность правовой системы до и после вступления в силу Лиссабонского договора и отметил следующее:

«...28. По вопросу о том, следует ли рассматривать вступление Лиссабонского договора в силу, как утверждал заявитель, в качестве обстоятельства, возникшего в ходе разбирательства и в связи с этим предоставляющего в соответствии с подпунктом 1 пункта 2 статьи 48 Регламента Общего суда Европейского союза веские основания для предъявления новых правовых требований, Суд Европейского союза отмечал, что вступление в силу данного договора, инкорпорировавшего Хартию в первичное право Европейского союза, нельзя рассматривать в качестве нового правового вопроса по смыслу подпункта 1 пункта 2 статьи 42 Регламента. В этом контексте Суд подчеркивал, что даже до вступления в силу данного договора он неоднократно признавал, что право на справедливое судебное разбирательство, вытекавшее, *inter alia*, из статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, представляло собой основное право, соблюдаемое в Европейском союзе в качестве общего принципа в соответствии с пунктом 2 статьи 6 Договора о Европейском союзе (см., в частности, дело № C-289/11 P «Компания “Легрис Индастриз” против Комиссии» (Legris Industries v. Commission), § 36)».

45. Наконец, по поводу объема прав, гарантированных Хартией об основных правах, Суд Европейского союза отметил в Постановлении по делу «J. McB. против L.E.» ((J. McB. v. L.E.) от 5 октября 2010 г., дело № C-400/10 PPU):

«...53. Кроме того, из пункта 3 статьи 52 Хартии следует, что в той мере, в которой Хартия устанавливает права, коррелирующие с правами, гарантированными Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, их значение и смысл аналогичны закрепленным в Европейской конвенции. Однако это положение не препятствует установлению в праве Европейского союза защиты в большем объеме. В соответствии со статьей 7 Хартии «каждый человек имеет право на уважение своей частной и семейной жизни, своего жилья и своих коммуникаций». Пункт 1 статьи 8 Конвенции содержит идентичную формулировку с единственным исключением, что вместо слова “корреспонденции” использовано слово “коммуникации”. Таким образом, очевидно, что статья 7 Хартии содержит права, аналогичные предусмотренным в пункте 1 статьи 8 Европейской конвенции, в соответствии с толкованием, содержащимся в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека (см. по аналогии дело “Варец” (Varec), № C-450/06, [2008] ECR I-581, § 48)».

2. Основные права и принцип взаимного доверия

46. В Постановлении по делу «N.S. против министра внутренних дел» ((N.S. v. Secretary of State for the Home Department) от 21 декабря 2011 г., объединенные в одно производство дела №№ C-411/10 и C-493/10, ECR I-13905), вынесенном в контексте применения Регламента Совета Европейского союза № 343/2003, устанавливающего критерии и механизм определения государств – членов Европейского союза, ответственных за проверку запросов о предоставлении убежища, поданных гражданами третьих стран (далее – Регламент «Дублин II»), Суд Европейского союза отметил:

«...77. В соответствии с выработанной прецедентной практикой государства-члены должны не только толковать свое внутригосударственное законодательство в порядке, соответствующем праву Европейского союза, но также отслеживать, чтобы они не опирались на толкование документа вторичного права, противоречащее основным правам, защищаемым правом Европейского союза, либо другим общим принципам права Европейского союза (см. в этой связи дело № C-101/01 “Линдквист” (Lindqvist), [2003] ECR I-12971, § 87, и дело № C-305/05 “Ассоциация франкоязычных и немецкоязычных адвокатских коллегий и другие” (Ordre des barreaux francophones et germanophone and Others), [2007] ECR I-5305, § 28).

78. Изучение документов, составляющих Общеввропейскую систему предоставления убежища, показывает, что она зародилась в контексте, позволяющем предположить, что все участвующие государства, как государства-члены, так и третьи страны, соблюдают основные права, в том числе основанные на Женевской конвенции и Протоколе 1967 года, а также на Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, и что в этом отношении государства-члены могут быть уверены друг в друге...

80. При данных обстоятельствах следует предположить, что обращение с лицами, ищущими убежища, во всех государствах-членах соответствует требованиям Хартии, Женевской конвенции и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

81. Однако не является невероятным то, что в данной системе на практике могут встречаться большие операционные проблемы в отдельном государстве-члене, и это означает, что существует значительный риск того, что лица, ищущие убежища, при направлении их в это государство-член могут подвергнуться обращению, нарушающему основные права...

83. В данном случае на кону стоят смысл существования Европейского союза и формирование пространства свободы, безопасности и правосудия, а также, в частности, Общеввропейской системы предоставления убежища, основанной на взаимном доверии и презумпции соблюдения другими государствами-членами права Европейского союза и, в особенности, основных прав...

94. Из вышеизложенного следует, что, когда речь идет о ситуациях в рамках основного разбирательства, для обеспечения соблюдения Европейским союзом и его членами обязательств, касающихся защиты основных прав лиц, ищущих убежища, государства-члены, в том числе суды этих государств-членов, могут не передавать лиц, ищущих убежища, в “ответственное государство-член” в соответствии с Регламентом № 343/2003, когда они не могут не знать о том, что систематические сбои в процедуре предоставления убежища и в условиях приема лиц, ищущих убежища, в данном государстве-члене дают веские основания полагать, что лицо, ищущее убежища, подвергнется реальной опасности быть подвергнутым бесчеловечному или унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 4 Хартии...

98. Государство-член, на территории которого находится лицо, ищущее убежища, должно тем не менее обеспечить, чтобы ситуация не ухудшилась, когда основные права данного лица были нарушены в результате применения процедуры, направленной на определение ответственного государства-члена, если эта процедура занимает неразумно много времени. В случае необходимости это государство-член само должно рассмотреть ходатайство о предоставлении убежища в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 3 Регламента № 343/2003.

99. Из вышеизложенного следует, что, как отмечал генеральный адвокат в § 131 своего заключения, применение Регламента № 343/2003 на основании неопровержимой презумпции о том, что основные права лица, ищущего убежища, будут соблюдаться в государстве-члене, в первую очередь ответственным за рассмотрение ходатайства этого лица, не соответствует обязанности государств-членов толковать и применять Регламент № 343/2003 в порядке, обеспечивающем соблюдение основных прав.

100. Кроме того, как отмечал N.S., если бы Регламент № 343/2003 содержал требование о применении неопровержимой презумпции о соблюдении основных прав, его можно было бы признать подрывающим гарантии, которые призваны обеспечивать соблюдение основных прав Европейским союзом и его государствами-членами.

101. Это было бы верно, *inter alia*, применительно к положению, которым было закреплено, что некоторые государства являются “безопасными странами” в плане соблюдения основных прав, если бы это положение толковалось как составляющее неопровержимую презумпцию, не допускающую каких-либо доказательств обратного...

104. При данных обстоятельствах презумпция, лежащая в основе соответствующего законодательства, указанного в § 80 настоящего Постановления, согласно которой обращение с лицами, ищущими убежища, соответствует основным правам, должна считаться опровержимой.

105. В свете этих факторов ответ на указанные вопросы заключается в том, что право Европейского союза исключает применение неопровержимой презумпции о том, что государство-член, считающееся ответственным на основании

пункта 1 статьи 3 Регламента № 343/2003, соблюдает основные права Европейского союза...».

47. В Постановлении по делу «Меллони против Генеральной прокуратуры» ((Melloni v. Ministerio Fiscal) от 26 февраля 2013 г., дело № C-399/11), которое касалось, в частности, вопроса о том, могло ли государство – член Европейского союза отказаться исполнять европейский ордер на арест на основании статьи 53 Хартии об основных правах ввиду нарушения основных прав человека, гарантированных конституцией государства-члена, Суд Европейского союза отметил:

«...60. Действительно, статья 53 Хартии подтверждает, что, когда нормативный правовой акт Европейского союза требует имплементации на внутригосударственном уровне, государственные органы и суды вправе по своему усмотрению применять внутригосударственные стандарты защиты основных прав при условии, что в результате этого не подрываются степень защиты, предусмотренная Хартией, в том виде, как она толкуется Судом Европейского союза, а также верховенство, единство и эффективность права Европейского союза.

61. Однако Рамочное решение [“О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами”] не позволяет государствам-членам отказываться исполнять европейский ордер на арест, когда лицо, в отношении которого вынесен ордер, находится в одной из предусмотренных ситуаций...

62. Также следует учитывать, что принятие Рамочного решения 2009/299, которое дополнило данным положением Рамочное решение 2002/584, призвано исправить проблемы в области взаимного признания решений, вынесенных судом в отсутствие соответствующего лица, которые вытекают из различий в регулировании защиты основных прав в государствах-членах. Это Рамочное решение обеспечивает согласование условий исполнения европейского ордера на арест в случае вынесения обвинительного приговора *in absentia*¹, которое отражает консенсус, достигнутый между государствами-членами в отношении объема процессуальных прав в соответствии с правом Европейского союза, которые предоставляются осужденным *in absentia* лицам, в отношении которых выдан европейский ордер на арест.

63. Соответственно, разрешение государству-члену применить статью 53 Хартии для того, чтобы поставить выдачу осужденного *in absentia* лица в зависимость от возможности пересмотра обвинительного приговора в государстве-члене, выдавшем ордер на арест, хотя такая возможность и не предусмотрена Рамочным решением... в целях избежания негативного влияния на право на справедливое судебное разбирательство и на права защиты, гарантированные конституцией государства-члена, исполняющего ордер на арест, которое может проявляться в том, что подвергается сомнению единообразие стандарта защиты основных прав в соответствии с Рамочным решением, нарушило бы принципы взаимного доверия

и признания, которые стремится поддержать данное решение, и, соответственно, подорвало бы его эффективность.

64. В свете вышеизложенного ответ на третий вопрос состоит в том, что статья 53 Хартии должна толковаться как запрещающая государству-члену ставить выдачу осужденного *in absentia* лица в зависимость от возможности пересмотра обвинительного приговора в государстве-члене, выдавшем ордер на арест, во избежание негативного влияния на право на справедливое судебное разбирательство и на права защиты, гарантированные конституцией этого государства-члена...».

48. В Постановлении по делу «Альфа Банк Кипр Лтд против Дау Си Сенх и других» ((Alpha Bank Cyprus Ltd v. Dau Si Senh and Others) от 16 сентября 2015 г., дело № C-519/13), касавшемся применения Регламента № 1393/2007 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О передаче судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим спорам», Суд Европейского союза указал следующее:

«...30. Поэтому в целях повышения эффективности и скорости рассмотрения дела в судах и обеспечения надлежащего отправления правосудия данный регламент устанавливает принцип прямой передачи судебных и внесудебных документов между государствами-членами (см. Постановление по делу “Леффлер” (Leffler), дело № C-443/03, EU: C:2005:665, § 3), следствием применения которого является упрощение и ускорение процедур. Эти цели отмечены в пунктах 6–8 преамбулы к регламенту.

31. Однако, как уже много раз отмечал Суд Европейского союза, этих целей невозможно достичь, если каким-либо образом подрывать права защиты адресатов, вытекающие из права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в пункте 2 статьи 47 Хартии основных прав Европейского союза и пункте 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в г. Риме 4 ноября 1950 г. (см., *inter alia*, Постановление по делу “Алдер” (Alder), дело № C-325/11, EU: C:2012:824, § 35 и процитированные прецеденты)...

3. Заключение № 2/13

49. В Заключении от 18 декабря 2014 г. № 2/13 по проекту соглашения о присоединении Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Суд Европейского союза признал, что проект соглашения не соответствовал Договору о Европейском союзе. В соответствующих частях указанного заключения говорилось:

«...187. В этом отношении следует принимать во внимание прежде всего то, что в соответствии со статьей 53 Хартии никакое положение Хартии не должно быть истолковано как ограничивающее или посягающее на права человека и основные свободы, признанные в рамках своей соответствующей области применения правом союза, международным правом и международными конвенциями, в которых участвуют союз, Сообщество или

¹ *In absentia* (лат.) – в отсутствие, заочно (примеч. переводчика).

все государства-члены, в частности, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, а также конституциями государств-членов.

188. Суд Европейского союза истолковал данное положение как означающее, что применение внутрисударственных стандартов защиты основных прав не должно подрывать степень защиты, предусмотренную Хартией, а также верховенство, единство и эффективность права Европейского союза (см. Постановление по делу “Меллони” (Melloni), EU: C:2013:107, § 60).

189. В той мере, в которой статья 53 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по существу закрепляет за Договаривающимися Сторонами полномочия по установлению более высоких стандартов защиты основных прав, чем гарантированные Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, данное положение должно быть согласовано со статьей 53 Хартии в том виде, в котором она толкуется Судом Европейского союза, вследствие чего полномочия, предоставленные государствам-членам статьей 53 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ограничены, применительно к правам, признанным Хартией, которые соответствуют правам, гарантированным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, полномочиями, необходимыми для обеспечения того, чтобы не подрывалась степень защиты, предусмотренная Хартией, а также верховенство, единство и эффективность права Европейского союза...

191. Во-вторых, следует отметить, что принцип взаимного доверия между государствами-членами имеет основополагающее значение в праве Европейского союза, поскольку он позволяет создать и сохранять территорию без внутренних границ. Этот принцип требует от каждого государства-члена, особенно в отношении сферы свободы, безопасности и справедливости, в отсутствие исключительных обстоятельств, требующих иного подхода, исходить из того, что все остальные государства-члены соблюдают право Европейского союза и в особенности основные права, признанные правом Европейского союза (см. в этой связи Постановления по делу “N.S. и другие”, дела №№ C-411/10 и C-493/10, EU: C:2011:865, §§ 78–80, и по делу “Меллони”, EU: C:2013:107, §§ 37 и 63).

192. Таким образом, при имплементации нормативных правовых актов Европейского союза от государств-членов в соответствии с правом Европейского союза может потребоваться исходить из того, что основные права были соблюдены другими государствами-членами, так что они не только не вправе требовать от другого государства-члена предоставления более высокой степени защиты основных прав, чем предусмотрено правом Европейского союза, но и не могут проверять, в отсутствие исключительных обстоятельств, требующих иного подхода, были ли основные права, гарантированные Европейским союзом, фактически соблюдены в конкретном случае.

193. Подход, выбранный в рассматриваемом соглашении и состоящий в том, чтобы рассматривать Европейский союз как государство и закрепить

за ним роль, идентичную во всех отношениях роли любой другой Договаривающейся Стороны, игнорирует внутреннюю суть Европейского союза и, в частности, не учитывает тот факт, что государства-члены в силу своего участия в Европейском союзе согласились с тем, что отношения между ними по вопросам, по которым они передали свои полномочия Европейскому союзу, регулируются правом Европейского союза, которое исключает применение любых других законов, если это требуется в соответствии с правом Европейского союза.

194. В той мере, в которой Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, требуя признавать Европейский союз и государства-члены Договаривающимися Сторонами не только в отношениях с Договаривающимися Сторонами, которые не являются государствами – членами Европейского союза, но и в отношениях друг с другом, в том числе регулируемых правом Европейского союза, обязывает государство-члена проверять факт соблюдения другим государством-членом основных прав даже несмотря на то, что право Европейского союза возлагает на государства-члены обязанность взаимного доверия друг к другу, то присоединение к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод может нарушить равновесие, лежащее в основе Европейского союза, и подорвать автономии права Европейского союза...».

4. Положения, касающиеся предварительных решений

50. Статья 234 Договора об учреждении Европейского сообщества (в редакции, действовавшей в период времени, относящийся к обстоятельствам данного дела, которая была заменена статьей 267 Договора о функционировании Европейского союза) предусматривает:

«Суд наделяется компетенцией принимать решения в преюдициальном порядке по вопросам, касающимся:

...b) действительности и толкования актов, принимаемых органами Сообщества и ЕЦБ...

Если подобный вопрос встанет перед каким-либо судом одного из государств-членов, и этот суд сочтет необходимым иметь соответствующее разъясняющее решение Суда Сообщества, чтобы принять собственное решение по данному вопросу, он может обратиться в Суд Сообщества с просьбой вынести требуемое ему на этот счет решение.

Если один из этих вопросов возникает в деле, находящемся на рассмотрении в судебной инстанции какого-либо из государств-членов, решения которой в соответствии с национальным правом не подлежат обжалованию, то в этом случае обращение данной судебной инстанции в Суд Сообщества является обязательным».

51. В Постановлении по делу «Компания “Срл СИЛФИТ” и компания “Ланифичио ди Гавардо СпА” против Министерства здравоохранения» ((Srl CILFIT and Lanificio di Gavardo SpA v. Ministry

of Health) от 6 октября 1982 г., дело № 283/81, ECR3415) Суд Европейского союза растолковал объем обязательства, предусмотренного бывшим абзацем третьим статьи 177 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества (аналогичным по содержанию абзацу третьему статьи 234 Договора об учреждении Европейского сообщества). Суд Европейского союза отметил следующее:

«Абзац третий статьи 177... следует толковать как означающий, что суд или трибунал, решения которого не подлежат обжалованию в соответствии с внутригосударственным законодательством, по вопросу, относящемуся к праву Сообщества, должен соблюдать обязанность по обращению с этим вопросом в Суд Европейских сообществ, если не будет установлено, что правильное применение права Сообщества является столь очевидным, что не остается места для какого-либо разумного сомнения. Существование такой возможности должно оцениваться в свете конкретных особенностей права Сообщества, трудностей, порождаемых его толкованием, и риска расхождений в содержании судебных решений на территории Сообщества».

52. Пределы этой прецедентной практики были впоследствии уточнены в Постановлении по делу «Феррейра да Сильва е Брито и другие против Португалии» ((Ferreira da Silva e Brito and Others v. Estado português) от 9 сентября 2015 г., дело № C-160/14), в котором Суд Европейского союза отметил:

«...36. Во втором вопросе обращающийся суд желает выяснить, следует ли при таких обстоятельствах, как рассматриваемые в рамках основного разбирательства, и, в частности, ввиду того, что нижестоящие суды вынесли противоречивые решения по поводу толкования понятия “передача предприятия”, предусмотренного пунктом 1 статьи 1 Директивы 2001/23, толковать абзац третий статьи 267 Договора о функционировании Европейского союза как означающий, что суд или трибунал, решения которого не подлежат обжалованию в соответствии с внутригосударственным законодательством, в принципе обязан обращаться с этим вопросом в Суд Европейского союза для получения толкования данного понятия.

37. В этом отношении, хотя процедура, закрепленная в статье 267 Договора о функционировании Европейского союза, действительно является инструментом сотрудничества между Судом Европейского союза и судами государств-членов, при помощи которого Суд предоставляет внутригосударственным судам основы для толкования права Европейского союза, необходимые им для разрешения находящихся на их рассмотрении споров, остается фактом то, что, когда решения суда или трибунала государства-члена не подлежат обжалованию в соответствии с внутригосударственным законодательством, этот суд или трибунал в принципе обязан обращаться с таким вопросом в Суд Европейского союза в соответствии с абзацем третьим статьи 267 Договора о функционировании Европейского союза, когда на рассмотрение суда или трибунала вынесен вопрос, касающийся толкования права

Европейского союза (см. Постановление по делу “Национальный совет геологов и Управление по делам конкуренции и рынка” (Consiglio nazionale dei geologi and Autorità garante della concorrenza e del mercato), дело № C-136/12, EU:C:2013:489, § 25 и процитированные в нем прецеденты).

38. Что касается объема рассматриваемой обязанности, из прецедентной практики (начиная с Постановления по делу “Силфит и другие” (Cilfit and Others), 283/81, EU: C:1982:335) следует, что суд или трибунал, решения которого не подлежат обжалованию в соответствии с внутригосударственным законодательством, по вопросу, относящемуся к праву Европейского союза, должен соблюдать обязанность по обращению с этим вопросом в Суд Европейского союза, если не будет установлено, что поднятый вопрос является незначительным либо что соответствующее положение права Европейского союза уже было истолковано Судом Европейского союза, либо что не остается места для какого-либо разумного сомнения.

39. Кроме того, Суд Европейского союза ясно дал понять, что существование такой возможности должно оцениваться в свете конкретных особенностей права Европейского союза, трудностей, порождаемых его толкованием, и риска расхождений в содержании судебных решений на территории Европейского союза (см. Постановление по делу компании “Интермодал Транспорти” (Intermodal Transports), дело № C-495/03, EU: C:2005:552, § 33).

40. Действительно, вся ответственность за определение того, является ли правильное применение права Европейского союза столь очевидным, что не остается места для какого-либо разумного сомнения, и за последующее принятие решения о том, чтобы не обращаться в Суд Европейского союза с вопросом, касающимся толкования его права, который был вынесен на его рассмотрение, лежит на внутригосударственных судах и трибуналах (см. Постановление по делу компании “Интермодал Транспорти”, дело № C-495/03, EU: C:2005:552, пункт 37 и процитированные в нем прецеденты).

41. Сам по себе факт вынесения судами или трибуналами государства-члена противоречивых решений не является решающим фактором, который активизирует обязанность, предусмотренную абзацем третьим статьи 267 Договора о функционировании Европейского союза.

42. Суд или трибунал, рассматривающий дело в качестве суда последней инстанции, может признать, что, хотя нижестоящие суды истолковали положение права Европейского союза определенным образом, толкование, которое этот суд или трибунал предлагает для данного положения и которое отличается от толкования, данного нижестоящими судами, столь очевидно, что не остается места для какого-либо разумного сомнения.

43. Однако в части, касающейся рассматриваемой в настоящем деле области, как следует из §§ 24–27 настоящего Постановления, вопрос о толковании понятия “передача предприятия” вызывал значительную неопределенность у многих судов и трибуналов государств-членов, которые, как следствие, признавали необходимым обратиться

в Суд Европейского союза. Эта неопределенность показывает, что существуют не только трудности с толкованием, но также и риск расхождений в содержании судебных решений на территории Европейского союза.

44. Следовательно, при таких обстоятельствах, как в деле, рассматриваемом обращающимся судом, которые характеризуются, с одной стороны, конфликтом между складывающейся на внутригосударственном уровне судебной практикой по поводу понятия “передача предприятия”, предусмотренного пунктом 1 статьи 1 Директивы 2001/23, а, с другой стороны, тем, что данное понятие часто порождает трудности с толкованием в различных государствах-членах, суд или трибунал государства-ответчика, решения которого не подлежат обжалованию в соответствии с внутригосударственным законодательством, должен соблюдать свою обязанность по обращению в Суд Европейского союза для предотвращения риска неправильного толкования права Европейского союза.

45. Соответственно, ответ на второй вопрос состоит в том, что при таких обстоятельствах, как в деле, рассматриваемом в рамках основного судебного разбирательства, которые характеризуются, с одной стороны, конфликтом между складывающейся на внутригосударственном уровне судебной практикой по поводу толкования понятия “передача предприятия”, предусмотренного пунктом 1 статьи 1 Директивы 2001/23, а, с другой стороны, тем, что данное понятие часто порождает трудности с толкованием в различных государствах-членах, третий абзац статьи 267 Договора о функционировании Европейского союза должен толковаться как означающий, что суд или трибунал государства-ответчика, решения которого не подлежат обжалованию в соответствии с внутригосударственным законодательством, обязан обращаться с этим вопросом в Суд Европейского союза для получения предварительного решения о толковании данного понятия...».

В. ПОЛОЖЕНИЯ О ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ И КОММЕРЧЕСКИМ ДЕЛАМ

1. Регламент № 44/2001 (Брюссель I) в редакции, примененной в настоящем деле

(а) Текст Регламента

53. Регламент Совета Европейского союза № 44/2001 от 22 декабря 2000 г. о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (Регламент Брюссель I) вступил в силу 1 марта 2002 г. Он заменил собой Брюссельскую конвенцию от 28 сентября 1968 г. о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам и являлся обязательным для исполнения всеми государствами – членами Европейского союза, за исключением Дании. Положения, процитированные ниже, которые

были применены к настоящему делу, действовали до 10 января 2015 г., когда вступила в силу новая исправленная редакция Регламента, известная как «Брюссель Ibis».

54. Пункты 16–18 преамбулы к Регламенту № 44/2001 гласили:

«...16. Взаимное доверие в отношениях по осуществлению правосудия в Европейском союзе позволяет решениям, принятым в Государстве-участнике, быть признанными автоматически и без специальных процедур, за исключением спорных ситуаций.

17. Исходя из принципа взаимного доверия процедура признания и приведения в исполнение в Государстве-участнике решения, вынесенного в другом Государстве-участнике, должна быть быстрой и эффективной. В связи с этим документ об исполнимости решения должен быть оформлен непосредственно после проведения формальной проверки приложенных к нему документов; при этом суд не имеет права по собственной инициативе применить основания для отказа в приведении в исполнение, предусмотренные настоящим Регламентом.

18. Однако учитывая необходимость защиты прав ответчика, ему должна быть предоставлена возможность выдвижения возражений против решения о приведении в исполнение, когда он усмотрит наличие одного из оснований для неприведения решения в исполнение. Процедуры обжалования должны быть также доступны заявителю в том случае, если в удовлетворении его заявления о признании и исполнении судебного решения было отказано».

55. В соответствующих частях Регламент предусматривал:

«...Статья 26

1. Если ответчик имеет постоянное место жительства в одном Государстве-участнике, а дело рассматривается в суде другого Государства-участника, и он не явился в суд, то суд должен по собственной инициативе объявить, что у него нет юрисдикции по данному спору, если только юрисдикция не следует из положений настоящего Регламента.

2. Суд приостанавливает производство по делу до тех пор, пока не будет установлено, что ответчик имел возможность получить документ, возбуждающий производство по делу или эквивалентный ему документ, и пока не истек достаточный срок для того, чтобы дать ему возможность организовать защиту, и пока все необходимые для этого меры не будут предприняты...

Статья 33

1. Судебное решение, принятое в одном из Государств-участников, должно признаваться в другом Государстве-участнике без обращения к каким-либо специальным процедурам.

2. Любая заинтересованная сторона, рассматривающая вопрос о признании судебного решения в качестве основного предмета спора, может согласно процедурам, предусмотренным в разделах 2 и 3 данной главы, ходатайствовать о вынесении решения о признании...

Статья 34

Судебное решение не подлежит признанию:

- 1) если признание явно противоречит публичному порядку государства, в котором признание испрашивается;
- 2) если оно было принято в отсутствие ответчика, которому официальное извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ не был вручен надлежащим образом или был вручен несвоевременно, так что он был лишен возможности организовать свою защиту, кроме случаев, когда ответчик не предпринял возможных мер для обжалования вынесенного решения, если он имел возможность это сделать...

Статья 35

1. Иностранное судебное решение, кроме того, не будет признано, если оно противоречит положениям разделов 3, 4 или 6 главы II или в случае, предусмотренном статьей 72.
2. Суд или власти Государства-участника, в котором испрашивается признание, при проверке того, имеет ли место юрисдикция согласно условиям, упомянутым в предыдущем параграфе, связаны фактическими обстоятельствами, установленными судом, принявшим данное решение, как основанием для его юрисдикции.
3. Согласно пункту 1 юрисдикция суда Государства-участника, вынесшего решение, не может быть пересмотрена...

Статья 36

Ни при каких обстоятельствах иностранное судебное решение не может подлежать пересмотру по существу.

Статья 37 (1)

Суд Государства-участника, в котором испрашивается признание судебного решения, принятого в другом государстве-участнике, может приостановить рассмотрение этого требования в случае обжалования данного решения в установленном порядке.

Статья 38 (1)

1. Судебное решение, вынесенное в Государстве-участнике и подлежащее там исполнению на законном основании, должно быть исполнено в другом Государстве-участнике, если оно по ходатайству заинтересованной стороны было признано подлежащим принудительному исполнению в этом Государстве-участнике. <...>

Статья 41

Суд, в который обратились с ходатайством, должен незамедлительно принять решение о принудительном исполнении... без какой-либо проверки по основаниям, изложенным в статьях 34 и 35. Сторона, в отношении которой испрашивается принудительное исполнение судебного решения, на данной стадии не имеет права делать какие-либо заявления. <...>

Статья 43

1. Апелляция против постановления суда по результатам рассмотрения ходатайства о принудительном исполнении иностранного судебного решения может быть подана любой из сторон...

3. Апелляция должна подаваться в соответствии с правилами, регулируемыми искомое производство. <...>

Статья 45

1. Суд, рассматривающий апелляцию в соответствии с положениями статей 43... вправе отменить постановление, санкционирующее принудительное исполнение только по одному из оснований, указанных в статьях 34 либо 35. Он должен вынести решение незамедлительно.
2. Ни при каких обстоятельствах иностранное судебное решение не может подлежать пересмотру по существу.

Статья 46 (1)

Суд, в который подана апелляция согласно статье 43... может по ходатайству стороны, против которой испрашивается приведение в исполнение, приостановить рассмотрение дела, если апелляционная жалоба на судебное решение уже была предъявлена в обычном порядке в государстве суда, принявшего данное решение, или если время для подачи подобной апелляции еще не истекло; в последнем случае суд может указать время, в течение которого апелляция может быть подана. <...>

Статья 54

Суд или компетентный орган Государства-участника, где судебное решение было вынесено, по запросу любой из заинтересованных сторон должен выдать сертификат, составленный в соответствии со стандартной формой, приведенной в Приложении V к настоящему регламенту...

*(b) Пояснительный меморандум
к предложению по Регламенту*

56. В частях, касающихся настоящего дела, Пояснительный меморандум к предложению по Регламенту Совета Европейского союза о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам, представленный Комиссией (документ COM/99/0348, вступил в законную силу, опубликован в Официальном бюллетене Европейских сообществ от 28 декабря 1999 г. № C 376, с. 1–17), предусматривал следующее:

«...2.2. Правовая основа

Предмет регулирования [Брюссельской] конвенции в настоящее время подпадает под действие статьи 65 договора, данное предложение основано на пункте “с” статьи 61 договора.

Форма, выбранная для данного инструмента, регламент, является оправданной по ряду соображений. Государства-члены не могут быть оставлены со свободой усмотрения определять не только правила разграничения компетенции, целью которых является достижение определенности в законодательстве для блага физических лиц и экономических субъектов, но и процедуры признания и приведения в исполнение судебных решений, которые должны быть ясными и единообразными во всех государствах-членах...

Раздел 2. Приведение в исполнение

В данном разделе описываются процедуры, применяемые либо для официального признания... либо для признания судебного решения подлежащим исполнению в ином государстве-члене, нежели государство, в котором выносится решение. Цель данной процедуры состоит в том, чтобы признать подлежащим исполнению судебное решение, которое подлежит исполнению в государстве, в котором выносится решение, и не затрагивается фактическое приведение в исполнение данного судебного решения в государстве-члене, в котором решение должно вступить в силу. Процедура направлена на быстрое получение решения. Соответственно, были внесены значительные изменения в механизм, предусмотренный Брюссельской конвенцией. Во-первых, суд или орган, ответственный за признание судебного решения подлежащим исполнению в государстве-члене, в котором решение должно вступить в силу, не имеет права по собственной инициативе применить основания для отказа в приведении в исполнение судебного решения, предусмотренного статьями 41 и 42. Если они и могут рассматриваться, то только в рамках апелляционного производства, инициированного стороной, в отношении которой разрешено исполнение решения. Суд или компетентный орган могут лишь формально проверить документы, представленные в подтверждение ходатайства, они определяются регламентом. Кроме того, основания для непризнания или неприведения в исполнение были довольно сильно ограничены...

Статья 41 [соответствующая статье 34 Регламента ЕС]

В настоящей статье указаны единственные основания, по которым суд, в который подана апелляционная жалоба, может отказать в признании судебного решения подлежащим исполнению или отменить решение о признании. Эти основания были пересмотрены ограничительным образом в целях улучшения свободного движения судебных решений.

С одной стороны, добавление выражения «явным образом» в пункте 1 подчеркивает исключительный характер основания, связанного с публичным порядком. С другой стороны, основание, чаще всего используемое должниками для возражения против приведения решения в исполнение, было изменено так, чтобы можно было избегать процессуальных злоупотреблений. Чтобы предупредить невозможность приведения судебного решения в исполнение, достаточно будет вручить повестку неявившемуся ответчику в государстве, судом которого было вынесено решение, таким образом и в такой срок, чтобы у него была возможность организовать свою защиту. Обычное формальное нарушение процедуры вручения повестки не препятствует признанию или приведению в исполнение судебного решения, если это нарушение не помешало должнику организовать свою защиту. Кроме того, если должник был в состоянии обжаловать в государстве, в котором выносится решение, процессуальное нарушение, но не сделал этого, он не вправе ссылаться на данное процессуальное нарушение как на основание для отказа в принятии или для отмены решения о признании и приведении в исполнение в госу-

дарстве, в котором испрашивается приведение решения в исполнение...».

(с) Прецедентная практика Суда Европейского союза

57. В Постановлении по делу «Кломпс против Мишель» (*Klomp v. Michel*) от 16 июня 1981 г., дело № C-166/80, ECR1593) Суд Европейского союза уточнил объем гарантий, содержащихся в пункте 2 статьи 27 Брюссельской конвенции (соответствующего пункту 2 статьи 34 Регламента Брюссель I). Суд Европейского союза признал, что данное положение продолжало применяться в случаях, когда ответчик возражал против заочно вынесенного судебного решения, и суд государства, в котором выносится решение, признал данное возражение неприемлемым ввиду истечения срока, установленного для подачи возражения. Кроме того, даже если суд в государстве, в котором выносится решение, в рамках отдельного состязательного разбирательства установил, что ответчик был извещен надлежащим образом, пункт 2 статьи 27 Брюссельской конвенции всё равно требовал от суда, рассматривающего ходатайство о приведении решения в исполнение, выяснять, имел ли ответчик возможность получить повестку в срок, достаточный для того, чтобы дать ему возможность организовать защиту.

58. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Компания «АСМЛ Нидерланды БВ» против компании «Семикондактор Индастри Сервисиз ГмбХ» (*SEMIS*)» Суд Европейского союза должен был разъяснить, требовало ли условие о том, что должна иметься «возможность» по смыслу пункта 2 статьи 34, *in fine*, Регламента Брюссель I обжаловать заочное решение, чтобы ответчик был надлежащим образом извещен о судебном решении, или же достаточно, чтобы ответчику было известно о существовании этого решения на стадии приведения его в исполнение в государстве, в котором испрашивается приведение решения в исполнение. Суд Европейского союза привел следующую мотивировку:

«...20. ...Пункт 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 необязательно требует, чтобы извещение о возбуждении дела было вручено надлежащим образом, но требует, чтобы права защиты реально соблюдались.

21. Наконец, пункт 2 статьи 34 предусматривает исключение, которое может служить основанием для непризнания или неприведения в исполнение судебного решения, а именно случаи, когда ответчик не предпринял возможных мер для обжалования вынесенного решения, если он имел возможность это сделать.

22. Соответственно, пункт 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 следует толковать с учетом его целей и схемы.

23. Во-первых, что касается целей данного регламента, из пунктов 2, 6, 16 и 17 преамбулы следу-

ет, что регламент призван обеспечить свободное движение судебных решений, вынесенных в государствах-членах по гражданским и коммерческим делам, путем упрощения формальных процедур в целях быстрого и простого признания и приведения в исполнение этих судебных решений.

24. Однако такая цель не может быть достигнута, если каким-либо образом будет подорвано право на справедливое судебное разбирательство...

25. Аналогичное требование содержится в пункте 18 преамбулы к Регламенту № 44/2001, в соответствии с которым необходимость защиты прав ответчика означает, что ему должна быть предоставлена возможность выдвижения возражений против решения о приведении в исполнение, когда он установит наличие одного из оснований для неприведения решения в исполнение...

29. Во-вторых, что касается схемы, предусмотренной Регламентом № 44/2001 в отношении признания и приведения решений в исполнение, необходимо следить за тем... чтобы соблюдение прав ответчика на защиту при неявке обеспечивалось двойной проверкой.

30. В соответствии с пунктом 2 статьи 26 Регламента № 44/2001 во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 19 Регламента № 1348/2000 в ходе первоначального разбирательства в государстве, в котором выносится решение, суд, рассматривающий дело, должен приостановить разбирательство до тех пор, пока не будет продемонстрировано, что ответчик имел возможность получить извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ в срок, достаточный для того, чтобы организовать свою защиту, или что были предприняты все разумные меры в этом направлении.

31. Если в ходе производства по вопросу признания и приведения решения в исполнение в государстве, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, ответчик возбуждает производство по факту признания решения подлежащим исполнению в государстве, в котором вынесено решение, суд, рассматривающий жалобу, может признать необходимым рассмотреть основания для отказа в признании или приведении решения в исполнение, указанные в пункте 2 статьи 34 Регламента № 44/2001.

32. Именно в свете вышеизложенных соображений должно быть установлено, достаточно ли, когда заочное решение не было вручено, одного лишь факта того, что лицу, в отношении которого подано ходатайство о приведении решения в исполнение, было известно о существовании решения на стадии его приведения в исполнение, для обоснования вывода о том, что у него имелась возможность в соответствии с пунктом 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 обжаловать это решение.

33. Общеизвестно, что в настоящем деле в основном разбирательстве заочное решение не было вручено ответчику, вследствие чего ему было неизвестно содержание этого решения.

34. Как правильно утверждали власти Австрии, Германии, Нидерландов и Польши, а также Комиссия европейских сообществ в своих замечаниях, представленных в Суд Европейских сообществ, возбуждение производства в отношении судебно-

го решения возможно только в случае, если лицо, возбуждающее это производство, имело возможность ознакомиться с содержанием решения, а одного лишь того факта, что лицу известно о существовании данного решения, недостаточно для этого.

35. Чтобы у ответчика была возможность возбудить производство для защиты своих прав, как предусматривается в прецедентной практике, изложенной в §§ 27 и 28 настоящего Постановления, у него должна быть возможность ознакомиться с основаниями вынесенного заочно решения, чтобы эффективно обжаловать его.

36. Следовательно, только если ответчику известно содержание заочно вынесенного решения, в соответствии с требованиями о соблюдении прав защиты и эффективном осуществлении этих прав, для ответчика гарантируется возможность по смыслу пункта 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 обжаловать это решение в суде государства, в котором решение было вынесено...

39. Однако пункт 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 не означает, что ответчику требуется предпринять дополнительные меры, выходящие за пределы обычного усердия при осуществлении прав защиты, такие как действия, состоящие в ознакомлении с содержанием решения, вынесенного в другом государстве-члене.

40. Следовательно, чтобы обосновать вывод о том, что ответчик мог обжаловать заочное решение, вынесенное не в его пользу, по смыслу пункта 2 статьи 34 Регламента № 44/2001, ответчику должно быть известно содержание данного решения, что предполагает, что оно было ему вручено...

49. С учетом вышеизложенного ответ на поставленные вопросы состоит в том, что пункт 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 следует толковать как означающий, что у ответчика имелась "возможность" обжаловать заочное решение, вынесенное не в его пользу, только в случае, если в действительности ответчик был ознакомлен с содержанием решения, поскольку оно было вручено ему в срок, достаточный для того, чтобы организовать свою защиту в судах государства, в котором было вынесено решение...".

59. В Постановлении по делу «Бернардус Хендрикман и Мария Фейен против компании "Магента Друк и Ферлаг ГмбХ"» ((Bernardus Hendrikman and Maria Feyen v. Magenta Druck and Verlag GmbH) от 10 октября 1996 г., дело № C-78/95, ECR I-4943) Суд Европейского союза решил, что, когда производство возбуждено в отношении лица без его ведома, и некий адвокат является в судебное заседание от имени этого лица, но без доверенности, ответчик продолжает считаться «неявившимся» по смыслу пункта 2 статьи 27 Брюссельской конвенции, даже если разбирательство в суде, первом принявшем дело к рассмотрению, стало производством *inter partes*¹.

60. В Постановлении по делу «Компания "Трейд Эдженси Лдт" против компании "Серамико Инвестментс Лтд"» ((Trade Agency Ltd v. Seramico

¹ *Inter partes* (лат.) – между сторонами (примеч. переводчика).

Investments Ltd) от 6 сентября 2012 г., дело № C-619/10) Суд Европейского союза должен был вынести решение о том, мог ли суд государства-члена, в котором испрашивается приведение в исполнение, когда решение, принятое в отсутствие ответчика в государстве-члене, в котором выносится решение, подкрепляется сертификатом, предусмотренным Приложением V к Регламенту Брюссель I, несмотря ни на что проверять, соответствовала ли информация, приведенная в сертификате, имеющимся доказательствам. Суд Европейского союза отметил следующее:

«...32. Что касается основания, предусмотренного пунктом 2 статьи 34 Регламента № 44/2001, к которому отсылает пункт 1 статьи 45 Регламента № 44/2001, следует признать, что оно направлено на то, чтобы соблюдение прав ответчика на защиту при неявке в государстве-члене, в котором выносится решение, обеспечивалось двойной проверкой... В соответствии с данной системой при подаче апелляционной жалобы суд государства-члена, в котором испрашивается приведение в исполнение, должен отказать в приведении в исполнение или отменить свое решение о приведении в исполнение иностранного судебного решения, вынесенного заочно, если ответчику не было вручено извещение о возбуждении дела или иной равноценный этому извещению документ в срок, достаточный для того, чтобы организовать свою защиту, кроме случаев, когда ответчик не предпринял возможных мер для обжалования вынесенного решения, если он имел возможность это сделать.

33. В рассматриваемом контексте общепризнано, что факт вручения ответчику извещения о возбуждении дела является важным аспектом общей оценки фактического характера... которая должна проводиться судом государства-члена, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, для определения того, было ли у ответчика время, требующееся для подготовки защиты или принятия мер, необходимых для предотвращения вынесения решения в его отсутствие.

34. При этом следует отметить, что тот факт, что иностранное судебное решение подкреплено сертификатом, не может ограничивать пределы проверки, проводимой согласно правилу о двойном контроле, судом государства-члена, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, когда он рассматривает основание для обжалования, предусмотренное пунктом 2 статьи 34 Регламента № 44/2001...

36. Далее... поскольку суд или орган, уполномоченный выдавать подобные сертификаты, необязательно совпадает с судом или органом, вынесшим решение, в отношении которого подано ходатайство о приведении его в исполнение, данная информация может иметь лишь *prima facie*¹ ценность. Это следует также из того, что предоставление сертификата не является обязательным, поскольку в его отсутствие в соответствии со статьей 55 Регламента № 44/2001 суд государства-члена, в котором испрашивается приведение

решения в исполнение, обладающей юрисдикцией, необходимой для признания решений подлежащими исполнению, может принять к рассмотрению эквивалентный документ или, если суд полагает, что в его распоряжении имеется достаточный объем информации, не запрашивать предоставление сертификата.

37. Наконец... требуется отметить, что, как ясно следует из формулировки, использованной в Приложении V к Регламенту Суда, информация, содержащаяся в сертификате, ограничена «датой вручения извещения о возбуждении дела, в рамках которого было вынесено заочное решение», без упоминания любой другой информации, которая могла бы помочь установить, был ли ответчик в состоянии защищать себя, в частности, от такой информации, как сведения о средствах вручения извещений или об адресе, по которому доставлено извещение.

38. Следовательно, при рассмотрении основания для обжалования, предусмотренного пунктом 2 статьи 34 Регламента № 44/2001, к которому отсылает пункт 1 статьи 45 Регламента № 44/2001, суд государства-члена, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, имеет юрисдикцию для проведения независимой оценки всех доказательств и установления в случае необходимости того, соответствовало ли данное доказательство информации, содержащейся в сертификате, для целей определения, во-первых, того, было ли неявившемуся ответчику вручено извещение о возбуждении дела, и, во-вторых, того, было ли извещение вручено в приемлемый срок и таким образом, чтобы у ответчика имелась возможность организовать свою защиту...

43. В этой связи Суд Европейского союза уже отмечал, что из пунктов 16–18 преамбулы к Регламенту № 44/2001 очевидно следует, что предусмотренная рассматриваемым регламентом система обжалования по делам о признании или приведении в исполнение судебных решений призвана установить справедливое равновесие между, с одной стороны, взаимным доверием при отправлении правосудия в Европейском союзе и, с другой стороны, соблюдением прав защиты, что означает, что у ответчика в случае необходимости должна существовать возможность обжалования в рамках состязательного производства решения о признании решения подлежащим исполнению, если ответчик считает, что может быть применено одно из оснований неприведения решения в исполнение (см. в этом отношении дело № C-420/07, «Апостолидес» (Apostolides), [2009] ECR I-3571, § 73)...

46. Принимая во внимание вышеизложенные сообщения, ответ на первый вопрос состоит в том, что пункт 2 статьи 34 Регламента № 44/2001, к которому отсылает пункт 1 статьи 45 Регламента № 44/2001, во взаимосвязи с пунктами 16 и 17 преамбулы должен толковаться как означающий, что, когда ответчик обжалует признание подлежащим исполнению решения, вынесенного заочно в соответствующем государстве-члене, если оно подкреплено сертификатом, и утверждает, что ему не было вручено извещение о возбуждении дела, суд государства-члена, рассматривающий ходатайство приведения решения в исполнение

¹ *Prima facie* (лат.) – на первый взгляд, по первому впечатлению (примеч. переводчика).

в государстве-члене, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, имеет право проверить, соответствовала ли доказательственная информация, содержащаяся в сертификате...».

61. В Постановлении по делу «Апостолидес против Орамса» ((*Apostolides v. Orams*) от 28 апреля 2009 г., дело № C-420/07, ECR I-3571) Суд Европейского союза отметил, в частности:

«...55. В качестве предварительного замечания следует напомнить, что статью 34 Регламента № 44/2001 следует толковать ограничительно, поскольку она является препятствием для достижения одной из основных целей данного Регламента... Что касается конкретно условия о противоречии публичному порядку, содержащегося в пункте 1 статьи 34 Регламента, оно может применяться лишь в исключительных случаях...»

73. ...[И]з пунктов 16–18 преамбулы к Регламенту № 44/2001 очевидно следует, что предусмотренная настоящим регламентом система обжалования по делам о признании или приведении в исполнение судебных решений призвана установить справедливое равновесие между, с одной стороны, взаимным доверием при отправлении правосудия в Европейском союзе и, с другой стороны, соблюдением прав защиты, что означает, что у ответчика в случае необходимости должна существовать возможность обжалования в рамках состязательного производства решения о признании решения подлежащим исполнению, если ответчик считает, что может быть применено одно из оснований неприведения решения в исполнение.

74. У Суда Европейского союза была возможность при рассмотрении дела № C-283/05, ASML [2006], ECR I-12041, разъяснить различия между пунктом 2 статьи 34 Регламента № 44/2001 и пунктом 2 статьи 27 Конвенции от 27 сентября 1968 г. о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам.

75. В соответствии с пунктом 2 статьи 34 Регламента № 44/2001, в отличие от пункта 2 статьи 27 Конвенции, в обязательном порядке не требуется надлежащим образом вручать ответчику извещение о возбуждении дела, но необходимо обеспечить эффективное соблюдение прав защиты...

76. В силу пункта 2 статьи 34 и пункта 1 статьи 45 Регламента в признании или приведении в исполнение заочного решения должно быть отказано, когда подана апелляционная жалоба, если ответчику не было вручено извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ в срок, достаточный для того, чтобы предоставить ему возможность организовать защиту, за исключением случаев, когда ответчик не начал производство по обжалованию данного решения в судах государства-члена, в котором оно было вынесено, если у ответчика имелась возможность подать такую жалобу.

77. Из формулировок данных положений очевидно, что заочное решение, вынесенное на основании извещения о возбуждении дела, которое не было вручено ответчику надлежащим образом в срок, достаточный для того, чтобы дать ему возможность организовать защиту, подлежит при-

знанию, если ответчик по своей инициативе не обжаловал решение, когда у него имелась возможность подобную такую жалобу...

80. В свете вышеизложенного ответ на... вопрос, [вынесенный на рассмотрение Суда Европейского союза в целях принятия предварительного решения], состоит в том, что в признании или приведении в исполнение заочного решения не может быть отказано на основании пункта 2 статьи 34 Регламента № 44/2001, когда у ответчика имелась возможность обжаловать заочное решение, и по итогам обжалования заявитель мог утверждать, что ему не вручили извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ надлежащим образом и в срок, достаточный для того, чтобы дать ему возможность организовать защиту...».

2. Регламент № 1215/2012 (Брюссель Ibis): новая исправленная редакция

62. Исправленная редакция Регламента Брюссель I (известная как Брюссель Ibis), введенная Регламентом Европейского парламента и Совета Европейского союза от 12 декабря 2012 г. № 1215/2012 о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (исправленная редакция), вступила в силу 10 января 2015 г.

63. Статьей 39 новой редакции регламента была отменена процедура признания судебных решений подлежащими исполнению (*exequatur*¹) и установлен принцип автоматического признания исполнимыми решений, вынесенных в другом государстве-члене.

«Решение, вынесенное в государстве-члене и подлежащее исполнению в этом государстве-члене, приводится в исполнение в других государствах-членах без заявления об экзекватуре».

64. Однако пункт 1 статьи 45 новой редакции Регламента повторяет положения пункта 2 статьи 34 Регламента Брюссель Ibis:

«По заявлению любой из заинтересованных сторон судебное решение не подлежит признанию, если:

(a) признание явно противоречит публичному порядку (*ordre public*) государства-члена, в котором признание испрашивается;

(b) оно было принято в отсутствие ответчика, которому официальное извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ не был вручен надлежащим образом или был вручен несвоевременно, так что он был лишен возможности организовать свою защиту, кроме случаев, когда ответчик не предпринял возможных мер для обжалования вынесенного решения, если он имел возможность это сделать...».

¹ *Exequatur* (лат.) – экзекватура, приведение в исполнение в данной стране судебного решения, вынесенного в другой стране (примеч. переводчика).

С. ПОЛОЖЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ВРУЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТОВ

65. До 1 мая 2004 г., когда Республика Кипр и Латвийская Республика вступили в Европейский союз, вручение судебных документов между двумя государствами регулировалось положениями Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам, которая была ратифицирована Кипром (для которого она вступила в силу 1 июня 1983 г.) и Латвией (для которой она вступила в силу 1 ноября 1995 г.). Эта Конвенция применяется во всех случаях передачи судебных и внесудебных документов для вручения за границей, за исключением ситуаций, когда неизвестен адрес лица, которому должен быть вручен документ.

66. После вступления Республики Кипр и Латвийской Республики в Европейский союз, произошедшего 1 мая 2004 г., вручение судебных документов регулируется Регламентом (ЕС) о вручении государствам – членам Европейского союза судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим спорам. Первая редакция данного Регламента (Регламента Совета Европейского союза от 29 мая 2000 г. № 1348/2000) была отменена, вместо нее с 30 декабря 2007 г. действует новая редакция (Регламент (ЕС) Европейского парламента и Совета Европейского союза от 13 ноября 2007 г. № 1393/2007).

III. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

67. В период, относящийся к обстоятельствам дела, соответствующие положения Гражданского процессуального закона Латвийской Республики (*Civilprocesa likums*) предусматривали следующее:

«...Статья 8. Выяснение обстоятельств по гражданскому делу

1. Суд выясняет обстоятельства дела по проверенным доказательствам, полученным в установленном законом порядке...

Статья 9. Равноправие сторон в гражданском процессе

1. Стороны обладают равными процессуальными правами.

2. Суд обеспечивает равные возможности сторон в использовании предоставленных им прав для защиты своих интересов...

Статья 230. Содержание определения

1. В определении судом или судьей указывается: ...7) порядок и срок обжалования определения...

Статья 637. Признание постановления иностранного суда

...2. Постановление иностранного суда не признается лишь в том случае, если существует одно из следующих оснований для непризнания:

...2) постановление иностранного суда не вступило в законную силу;

3) ответчику была запрещена возможность защищать свои права, особенно, если ответчику, не участвовавшему в рассмотрении дела, не было своевременно и в надлежащем порядке сообщено о явке в суд, за исключением, если ответчик не обжаловал это постановление, хотя и имел такую возможность...

6) признание постановления иностранного суда противоречит общественному строю Латвии [*sabiedriskā iekārta*]...

Статья 644. Исполнение постановления иностранного суда

1. Постановление иностранного суда, подлежащее исполнению в государстве его принятия, после его признания исполняется в установленном настоящим законом порядке.

2. В отношении порядка объявления об исполнении решения, предусмотренного Регламентом Совета № 44/2001 и Регламентом Совета № 2201/2003, применяются положения главы 77 настоящего закона о признании постановлений иностранного суда, насколько это допускается положениями [Регламента № 44/2001]...».

IV. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КИПР

68. В соответствии с положениями законодательства Республики Кипр, представленными в Европейский Суд властями Кипра (см. § 10 настоящего Постановления), ответчик, против которого вынесено заочное решение, может подать ходатайство о его отмене (приказ 17, правило 10 Правил гражданского судопроизводства). Подача подобного ходатайства не ограничена по времени. Однако ответчик должен предоставить разумное обоснование своей неявки. Соответственно, согласно прецедентной практике судов Кипра ответчик может подать ходатайство об отмене заочного решения в следующих случаях, когда:

(а) ответчик не был надлежащим образом извещен о рассмотрении дела судом, вынесшим решение. В таких случаях судья должен отменить решение, вынесенное заочно, и у него нет права на иное мнение по данному вопросу;

(б) ответчик был надлежащим образом извещен, но представляет affidavit, содержащий небезосновательные доводы и объясняющий, почему ответчик не смог явиться (например, поскольку не знал о разбирательствах, поручил адвокату явиться от его имени, но адвокат не сделал этого, добросовестно и разумно ошибся относительно крайнего срока явки в суд). В подобных случаях суд *может*¹ удовлетворить ходатайство об отмене заочного решения, но не обязан делать это (см.

¹ Здесь и далее текст выделен в оригинале Постановления (примеч. редактора).

Постановление Верховного суда Республики Кипр по делу «Филакту против Майкла» (Phylactou v. Michael), 1982, 1 A.A.D., 204).

ПРАВО

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

69. Заявитель утверждал, что он стал жертвой нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции. Он жаловался на то, что, выдав экзекватуру в отношении решения районного суда г. Лимассола от 24 мая 2004 г., которое, на его взгляд, было вынесено с явными недостатками ввиду нарушения его права на защиту, сенат Верховного суда Латвийской Республики нарушил его право на справедливое разбирательство. Пункт 1 статьи 6 Конвенции в части, относящейся к настоящему делу, устанавливает следующее:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

70. В своем Постановлении Палата Европейского Суда прежде всего отметила, что, поскольку жалоба в отношении Республики Кипр была признана неприемлемой для рассмотрения по существу (см. § 4 настоящего Постановления), у Европейского Суда не было юрисдикции для рассмотрения вопроса о том, не нарушил ли районный суд г. Лимассола положения пункта 1 статьи 6 Конвенции. По этой причине пределы рассмотрения дела сводились к вопросу о том, обеспечили ли суды Латвии, вынесшие решение о приведении в исполнение на территории Латвии решения суда Кипра, соблюдение фундаментальных принципов справедливого разбирательства, установленных данным положением. В этой связи Палата Европейского Суда признала, что соблюдение государством своих правовых обязанностей, вытекающих из членства в Европейском союзе, отвечало общим интересам общества, а также что данный вывод был применим и к имплементации Регламента Брюссель I, основанного на принципе «взаимного доверия при отправлении правосудия». Соответственно, суды Латвии были обязаны обеспечить признание, быстрое и эффективное приведение в исполнение решения суда Кипра на территории Латвии. Палата Европейского Суда отметила далее, что защита основных прав, обеспечиваемая в Европейском союзе, в принципе была эквивалентна защите, предоставляемой Конвенцией (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Шир-

кети” против Ирландии» (Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland), жалоба № 45036/98, §§ 160–165, ECHR 2005-VI).

71. Палата Европейского Суда далее сочла, что можно было разумно ожидать, что заявитель, взяв взаймы денежную сумму у кипрской компании и подписав соглашение о признании долга, регулируемое в соответствии с законодательством Республики Кипр и подсудное судам Кипра, мог ознакомиться с правовыми последствиями любого неисполнения им обязанностей по возвращению суммы задолженности, а также с порядком производства в судах Республики Кипр. По мнению Палаты Европейского Суда, на заявителе лежало бремя доказывания того, что в его распоряжении не было эффективных средств правовой защиты в судах Кипра, но он не поддержал данный аргумент ни в сенате Верховного суда Латвийской Республики, ни в Европейском Суде. Соответственно, Палата Европейского Суда сделала вывод, что, отклонив доводы заявителя на основании лишь того, что он не обжаловал решение суда Кипра, Верховный суд Латвийской Республики в достаточной мере обеспечил права, гарантированные пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Следовательно, данное положение Конвенции не было нарушено в настоящем деле.

72. Наконец, Палата Европейского Суда не установила признаков нарушения по другим доводам заявителя, касающимся пункта 1 статьи 6 Конвенции.

В. ДОВОДЫ СТОРОН

1. Заявитель

73. В своем ходатайстве о передаче дела в Большую Палату Европейского Суда и в устных замечаниях, озвученных на слушании, заявитель выдвинул следующие доводы. Прежде всего он утверждал, что презумпция эквивалентной защиты («босфорская презумпция») была неприменима в настоящем деле по двум нижеследующим причинам. Во-первых, в соответствии с Регламентом Брюссель I вышестоящие суды в Латвии (окружной суд и сенат Верховного суда Латвийской Республики) не были обязаны автоматически признавать решение суда Кипра. Наоборот, статьи 34 и 35 Регламента Брюссель I наделяли суды Латвийской Республики широкими пределами усмотрения при проверке соблюдения основных процессуальных прав заявителя в государстве, в котором выносится решение, и при решении вопроса о том, подлежит ли судебное решение приведению в исполнение на территории Латвии. В этом смысле за судами Латвии сохранялась полная ответственность за обеспечение соблюдения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции. Кроме того, признав судебное решение подлежащим исполнению, сенат Верховного суда Латвийской

Республики явным образом нарушил положения пункта 2 статьи 34 Регламента в соответствии с толкованием Суда Европейского союза. В этой связи заявитель ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Суда Европейского союза по делу «Компания “Трейд Эдженси Лдт” против компании “Серамико Инвестментс Лтд”» (см. § 60 настоящего Постановления) и на вынесенные впоследствии решения сената Верховного суда Латвийской Республики. В двух делах сенат Верховного суда Латвийской Республики внимательно изучил вопрос о том, были ли ответчики надлежащим образом и своевременно извещены о необходимости явки в суды в государствах, в которых выносились решения. В обоих случаях ответчики не пытались обжаловать решения, и сенат Верховного суда Латвийской Республики не подвергал критике их бездействие.

74. Во-вторых, настоящее дело следовало отличать от босфорского дела, поскольку в настоящем деле сенат Верховного суда Латвийской Республики не исполнил свою обязанность обратиться в Суд Европейского союза с просьбой о выдаче предварительного решения. Заявитель признал, что он никогда не ходатайствовал о вынесении такого предварительного решения, но, по его словам, у него не было возможности сделать это, так как только другой стороне было разрешено представлять замечания по существу дела на слушании, проведенном 31 декабря 2007 г. По этой причине суды Латвии не применяли механизмы пересмотра, существовавшие в правовой системе Европейского союза. По мнению заявителя, если Верховный суд Латвийской Республики просил бы Суд Европейского союза вынести предварительное решение, тот, скорее всего, указал бы, что он был уполномочен проверять, был ли заявитель надлежащим образом извещен о разбирательстве в суде Кипра, и имел ли заявитель или по-прежнему имеет право на обжалование решения суда Кипра. Заявитель сослался в этой связи на § 38 упоминавшегося выше Постановления Суда Европейского союза по делу «Компания “Трейд Эдженси Лдт” против компании “Серамико Инвестментс Лтд”», процитированного в § 60 настоящего Постановления. По мнению заявителя, настоящее дело было больше похоже на дело «Мишо против Франции» (Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции» (*Michaud v. France*), жалоба № 12323/11, §§ 112–115, *ECHR* 2012), в котором Европейский Суд признал, что босфорская презумпция не подлежала применению по нескольким причинам, включая только что упомянутую.

75. Заявитель согласился с тем, что соблюдение государством своих правовых обязательств, вытекающих из членства в Европейском союзе, отвечало общим интересам. Однако было бы ошибкой и противоречило бы прецедентной практике Европейского Суда признать, как это сделала

Палата в своем Постановлении, что одна лишь эта причина составляла правомерную цель, достаточную для обоснования ограничений прав, гарантированных Конвенцией. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда данная цель никогда не рассматривалась как достаточное основание для вмешательства в основные права, если только она не подкреплялась другими правомерными целями, такими как предотвращение преступлений (заявитель ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции») или защита прав других лиц (заявитель ссылаясь на Решение Европейского Суда по делу «Повзе против Австрии» (*Povse v. Austria*) от 18 июня 2013 г., жалоба № 3890/11). По словам заявителя, поскольку Регламент Брюссель I не требовал от органов власти Латвии автоматического и безусловного приведения в исполнение решения суда Кипра, рассматриваемое вмешательство не имело каких-либо правомерных целей.

76. По мнению заявителя, его ситуация фундаментально отличалась от положения, имевшего место в деле Орамса, рассмотренном как Судом Европейского союза (см. § 61 настоящего Постановления), так и Европейским Судом (см. Решение Европейского союза по делу «Орамс против Кипра» (*Orams v. Cyprus*) от 10 июня 2010 г., жалоба № 27841/07). В указанном деле заявители имели возможность обжаловать спорное судебное решение. Их адвокат был извещен о судебном заседании Верховного суда Республики Кипр, который должен был рассмотреть их апелляционную жалобу, и фактически явился в судебное заседание и представлял интересы клиента. В Европейском Суде заявители жаловались лишь на отсутствие письменного извещения, и Европейский Суд признал, что гарантии, предоставленные пунктом 1 статьи 6 Конвенции, не отвечали требованиям о направлении письменного извещения. В настоящем деле, напротив, заявителю никогда не вручалось извещение о возбуждении дела.

77. Заявитель далее утверждал, что, поскольку он вернул сумму займа по договору по собственной инициативе, он не ожидал возбуждения в отношении него производства в Республике Кипр. Сенат Верховного суда Латвийской Республики должен был убедиться в том, что возможность обжалования спорного судебного решения в Республике Кипр существовала юридически и фактически, а не возлагать на заявителя бремя доказывания в полном объеме. По словам заявителя, его не следовало обвинять в том, что он не пытался обжаловать решение суда Кипра, по трем причинам. Во-первых, в самом судебном решении отсутствовали ссылки на имевшиеся судебные средства правовой защиты. Во-вторых, возложение на заявителя подобного бремени доказывания противоречило подходу, выбранному Судом Европейского союза в упоминавшемся выше Постановлении по

делу «Компания “АСМЛ Нидерланды БВ” против компании “Семикондактор Индастри Сервисиз ГмбХ” (SEMIS)», в соответствии с которым «у ответчика имелась “возможность” обжаловать заочное решение, вынесенное не в его пользу, только в случае, если в действительности ответчик был ознакомлен с содержанием решения, поскольку оно было вручено ему в срок, достаточный для того, чтобы организовать свою защиту в судах государства, в котором вынесено решение» (см. § 58 настоящего Постановления). В-третьих, согласно информации, предоставленной властями Кипра, возможность удовлетворения судами Кипра апелляционной жалобы, поданной с нарушением установленных сроков, являлась чисто гипотетической и находилась в пределах усмотрения суда (см. пункт 68 настоящего Постановления). Кроме того, поскольку решение Рижского окружного суда от 2 октября 2006 г. об отказе в признании судебного решения подлежащим исполнению было вынесено в его пользу (см. § 32 настоящего Постановления), у заявителя не было оснований пытаться обжаловать данный вопрос в Республике Кипр.

78. Принимая во внимание вышеизложенное, заявитель утверждал, что, признав решение суда Кипра подлежащим исполнению и отказавшись рассматривать довод заявителя о том, что он не был надлежащим образом извещен о разбирательстве по его делу в суде Кипра, суды Латвии нарушили его гарантии на справедливое судебное разбирательство, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

79. Наконец, также опираясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, заявитель жаловался на то, каким образом 31 января 2007 г. было проведено судебное заседание в сенате Верховного суда Латвийской Республики. Он жаловался, в частности, что не был соблюден принцип равноправия и что сенат отказался предоставить ему копию протокола судебного заседания.

2. Власти Латвии

80. В отличие от заявителя, власти Латвии придерживались мнения, что босфорская презумпция применима к настоящему делу. Во-первых, они утверждали, что основания непризнания решений, предусмотренные пунктом 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, нельзя было толковать как предоставляющие суду в государстве-члене, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, свободу усмотрения, поскольку основания для отказа в признании решений были ясным образом перечислены в тексте данной статьи. Ссылаясь на Пояснительный меморандум к предложению по Регламенту (см. § 56 настоящего Постановления) и на Постановление Суда Европейского союза по делу «Апостолидес против Орамса» (см. § 60 настоящего Постановления), вла-

сти государства-ответчика утверждали, что правовой формат регламента специально был выбран органами Европейского союза для того, чтобы не оставлять государствам-членам свободы усмотрения. Положения Регламента имели автономный характер и не могли толковаться или применяться в свете внутригосударственного законодательства, и положения статьи 34 Регламента Брюссель I следовало толковать ограничительно, поскольку она являлась препятствием для достижения одной из основных целей указанного регламента в целом. Кроме того, суд, которому подсудны дела о приведении в исполнение судебных решений в соответствующем государстве-члене, не имел права по собственной инициативе применить основания для отказа в приведении решения в исполнение. Следовательно, сенат Верховного суда Латвийской Республики не имел свободы усмотрения при рассмотрении вопроса о признании и приведении в исполнение решения районного суда г. Лимассола. Вынося соответствующее решение, сенат просто исполнял жесткие обязательства, возложенные на Латвийскую Республику в связи с ее членством в Европейском союзе.

81. Во-вторых, власти Латвии утверждали, что одного лишь того, что сенат Верховного суда Латвийской Республики не в полной мере использовал механизм пересмотра, предусмотренный в праве Европейского союза, было недостаточно для опровержения босфорской презумпции. По их утверждению, нельзя было во всех случаях без исключения ставить применение данной презумпции в зависимость от исполнения внутригосударственными судами требования об обращении в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения, поскольку это противоречило бы духу сотрудничества, который должен царить в отношениях между внутригосударственными судами и Судом Европейского союза. Внутригосударственные суды направляли вопрос в Суд Европейского союза для решения его в преюдициальном порядке только в случаях, когда у них имелись сомнения в правильности толкования или применения нормативных правовых актов Европейского союза. Судам не требовалось делать это в случаях, когда установлено, что поднятый вопрос является незначительным либо что соответствующее положение права Европейского союза уже было истолковано Судом Европейского союза, или что не остается места для какого-либо разумного сомнения. Подобная ситуация сложилась в настоящем деле, поскольку актуальная прецедентная практика Суда Европейского союза была достаточно очевидной в частях, касающихся значения и пределов применения требований, установленных пунктом 2 статьи 34 Регламента Брюссель I. Кроме того, если заявитель считал необходимым получить разъяснения по данному положению, он мог попросить сенат Верховного

суда Латвийской Республики направить вопрос в Суд Европейского союза для вынесения предварительного решения. Тот факт, что он этого не сделал, свидетельствовал о том, что он считал данный шаг бессмысленным.

82. Власти Латвии добавили, что, отклонив довод заявителя о том, что он не был надлежащим образом извещен о разбирательстве, на основании лишь того, что заявитель не обжаловал решение суда Кипра, сенат Верховного суда Латвийской Республики действовал в полном соответствии с пунктом 2 статьи 34 Регламента Брюссель I в свете толкования, данного Судом Европейского союза. Заявитель никогда не утверждал и тем более не доказал во внутригосударственных судах или в Европейском Суде, что он, по крайней мере, пытался возбудить апелляционное производство в Республике Кипр. Кроме того, разумным представлялось мнение о том, что в течение шестимесячного периода, начавшегося в июне 2006 года (когда заявитель был проинформирован о содержании решения суда Кипра) и закончившегося в январе 2007 года (когда сенат Верховного суда Латвийской Республики рассмотрел дело), у заявителя было достаточно времени для подачи апелляционной жалобы в суды Республики Кипр. В этой связи власти Латвии сослались на замечания властей Кипра, из которых следовало, что такое средство правовой защиты было доступно теоретически и практически, и его использование не было поставлено в зависимость от соблюдения жестких временных рамок (см. § 68 настоящего Постановления). Власти Латвии утверждали, что пункт 2 статьи 34 Регламента Брюссель I основывался на предпосылке, согласно которой любые недостатки в судебном решении, вынесенном заочно, должны быть исправлены в стране, в которой выносится решение. Если бы заявитель подал апелляционную жалобу в суды Кипра, Верховный суд Латвийской Республики мог бы приостановить или отложить исполнительное производство в соответствии с пунктом 1 статьи 37 и пунктом 1 статьи 46 Регламента. Необоснованно не подав апелляционную жалобу в суды Кипра, заявитель фактически не позволил судам Латвии отказать в приведении судебного решения в исполнение.

83. Обратив внимание на тот факт, что заявитель работал консультантом по инвестициям, власти государства-ответчика отметили далее, что заявителю должно было быть известно о том, что нарушение им своих обязательств по оплате задолженности могло привести к судебному разбирательству в судах Кипра и что повестка будет отправлена по адресу, указанному в соглашении о признании долга. Поскольку заявитель не предоставил сведения о своем настоящем адресе компании, с которой он заключил договор займа, для целей статьи 17 Конвенции его поведение можно было квалифицировать как злоупотребление правами. Кроме того, учитывая, что заявитель согласился на применение законодательства Республики Кипр,

можно было предположить, что ему была хорошо знакома правовая система Кипра и известны существовавшие в его распоряжении средства правовой защиты. Следовательно, его довод о том, что в решении суда Кипра не было указаний на судебные средства правовой защиты, не имел значения, учитывая, что ни Регламент Брюссель I, ни законодательство Республики Кипр, ни пункт 1 статьи 6 Конвенции не требовали от судов дополнительно вносить подобную информацию в выносимые ими решения. Следовательно, ситуация, обжалованная заявителем в Европейский Суд, в основном явилась результатом его собственного поведения.

84. Власти Латвии утверждали, что одной из целей Европейского союза было обеспечение эффективного функционирования общего рынка. Достижение данной цели и следование ей, а равно взаимное доверие при отправлении правосудия представляли собой общий интерес, достаточный для обоснования некоторых ограничений права на справедливое судебное разбирательство, тем более что справедливость разбирательства также являлась основополагающим принципом права Европейского союза, признанным Судом Европейского союза. Соответственно, система, созданная Регламентом Брюссель I, не нарушала право на справедливое судебное разбирательство. Таким образом, в свете босфорской презумпции власти государства-ответчика просили Европейский Суд признать, что сенат Верховного суда Латвийской Республики в достаточной мере учел права заявителя, предусмотренные пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

85. Наконец, власти Латвии не согласились с утверждением заявителя о том, что проведенное 31 января 2007 г. судебное заседание было несправедливым. По их мнению, из решения Верховного суда Латвийской Республики было ясно, что у адвоката заявителя имелась возможность представить устные заявления в ходе судебного заседания. Протокол не составлялся по причине того, что в соответствии с внутригосударственным законодательством его ведение по данной категории дел не являлось обязательным. Кроме того, пункт 1 статьи 6 Конвенции не требовал от внутригосударственных судов вести в письменном виде протокол каждого судебного заседания.

С. ЗАМЕЧАНИЯ ТРЕТЬИХ СТОРОН, ВСТУПИВШИХ В СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

1. Власти Эстонии

86. Власти Эстонии объяснили *ratio legis*¹ статьи 34 Регламента Брюссель I (в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоя-

¹ *Ratio legis* (лат.) – причина существования закона, мотив закона (примеч. переводчика).

тельствам настоящего дела). Данная статья была составлена очень тщательно, устанавливая равновесие между соблюдением прав защиты и необходимостью обеспечить через упрощение формальных требований быстрое и несложное признание и приведение в исполнение в каждом государстве-члене судебных решений по гражданским и коммерческим делам, рассмотренным в другом государстве-члене. Способ формулирования статьи 34 Регламента Брюссель I не оставлял свободы усмотрения судам государства-члена, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, тем более что обширная и ясная прецедентная практика Суда Европейского союза обеспечивала суды точными инструкциями о порядке применения данного положения. По этой причине применение босфорской презумпции не зависело от соблюдения требования о систематическом обращении судов государств-членов в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения каждый раз, когда подлежал применению пункт 2 статьи 34 Регламента Брюсселя I.

87. Власти Эстонии придавали особое значение тому факту, что два государства, затронутые настоящим делом, Латвийская Республика и Республика Кипр, являлись Договаривающимися Сторонами, на которые распространялась юрисдикция Европейского Суда. Соответственно, в отличие от ситуаций, когда подлежащее приведению в исполнение решение было вынесено в третьем государстве, суд, рассматривающий ходатайство о приведении решения в исполнение, не обязан проверять, чтобы производство в государстве, в котором выносится решение, соответствовало требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции. Пределы его рассмотрения должны быть ограничены формальной стороной исполнительного производства, поскольку за ответчиком сохранялось право защищать свои права, гарантированные пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в судах государства, в котором выносится решение.

88. По утверждениям властей Эстонии, когда ответчики, в отношении которых заочно вынесено судебное решение, не обжалуют данное решение в государстве, в котором выносится решение, после того, как им становится известно о его вынесении, и не приводят доказательства того, что подобное средство правовой защиты было бы неэффективным или нереализуемым, суд в государстве, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, не имеет права отказывать другой стороне в удовлетворении ходатайства о признании и приведении в исполнение решения при рассмотрении апелляционной жалобы в контексте исполнительного производства. Принимая во внимание основные причины принятия пункта 2 статьи 34 Регламента Брюссель I и общие принципы гражданского судопроизводства, разумным представляется возложение бремени доказывания на ответчи-

ка. Пункт 2 статьи 34 Регламента Брюссель I обеспечивал частному лицу стандарт защиты, эквивалентный стандарту, предоставляемому пунктом 1 статьи 6 Конвенции применительно к босфорской прецедентной практике, и требовал от государства, в котором решение должно вступить в силу, как можно быстрее приводить в исполнение судебные решения.

2. Европейская комиссия

89. Европейская комиссия утверждала, что презумпция эквивалентной защиты, известная как босфорская презумпция, подлежала применению в настоящем деле. Европейская комиссия подтвердила, что в соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Брюссель I суд, рассматривающий ходатайство о приведении решения в исполнение, вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства только по одному из оснований, указанных в статьях 34 и 35 Регламента Брюссель I. Соответственно, суды государств-членов не имели пределов усмотрения по вопросам экзекватуры судебных решений, вынесенных в другом государстве-члене. Приведение в исполнение таких решений входило в объем международных правовых обязательств государства-члена, в котором испрашивается приведение решения в исполнение, вытекающая из членства этого государства в Европейском союзе.

90. По поводу того, что в настоящем деле, как и в упоминавшемся выше деле «Мишо против Франции», суды государства-ответчика не обратились в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения, Европейская комиссия утверждала, что между двумя делами всё же имелось одно существенное различие. В настоящем деле, в отличие от дела «Мишо против Франции», нельзя было сказать, что не был задействован «весь потенциал процедуры [получения предварительного решения]», учитывая, что заявитель не просил суды государства-ответчика передать вопрос для вынесения предварительного решения и даже не высказывал сомнений в том, что применимые к настоящему делу положения права Европейского союза соответствовали гарантированному Конвенцией праву, жалоба на нарушение которого была подана в Европейский Суд. Европейская комиссия отметила далее, что ходатайство о вынесении предварительного решения не являлось средством правовой защиты, которое требовалось исчерпать для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции. В целом, по утверждению Европейской комиссии, применение босфорской презумпции не могло быть поставлено в зависимость от соблюдения судами государств – членов Европейского союза требования об обращении в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения каждый раз,

когда этим судам необходимо применить положение права Европейского союза. Даже если предположить, что право Европейского союза предусматривало обязанность внутригосударственного суда обращаться с ходатайством о вынесении предварительного решения в Суд Европейского союза, неисполнение данной обязанности не должно «наказываться» отказом Европейского Суда от применения презумпции эквивалентной защиты.

91. По мнению Европейской комиссии, механизм признания и приведения в исполнение судебных решений, созданный Регламентом Брюссель I, сам по себе соответствовал праву на справедливое судебное разбирательство, гарантированному пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Пункт 2 статьи 34 Регламента Брюссель I следовало применять во взаимосвязи с другими положениями данного Регламента и положениями Регламента (ЕС) о вручении государствам-членам Европейского союза судебных и внесудебных документов по гражданским и коммерческим спорам (см. § 66 настоящего Постановления). В силу совокупного действия данных положений право на справедливое судебное разбирательство гарантируется не только на стадии признания и приведения в исполнение решения, но и на более ранней стадии судебного разбирательства в государстве-члене, в котором выносится решение. Признание и приведение в исполнение решения зависят не от того, было ли извещение о возбуждении дела вручено с соблюдением установленных законом требований, а скорее, от конкретного рассмотрения вопроса о соблюдении права ответчика на состязательное судебное разбирательство. Кроме того, Европейская комиссия заметила, что пункт 1 статьи 34 Регламента предусматривал, что судебное решение не подлежит признанию, «если признание явно противоречит публичному порядку государства, в котором признание испрашивается». По мнению Европейской комиссии, данное положение предоставляло даже большую степень защиты основных прав, так как оно не требовало обжаловать решение в государстве, в котором оно выносится.

92. Европейская комиссия утверждала, что при толковании условий, закрепленных в пункте 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, Суд Европейского союза стремился защитить право ответчиков, неявившихся в судебное заседание, на справедливое судебное разбирательство. В частности, в Постановлении по делу «Компания “АСМЛ Нидерланды БВ” против компании “Семикондактор Индастри Сервисиз ГмбХ” (SEMIS)» (процитированном в § 58 настоящего Постановления) Суд Европейского союза признал, что право неявившегося ответчика на обжалование решения, вынесенного не в его пользу, могло быть признано только в случае, если он был фактически ознакомлен с содержанием решения, а это предполагало, что решение было ему вручено. Просто знать о су-

ществовании решения недостаточно для этого. Соответственно, вопрос о наличии или отсутствии средств правовой защиты в государстве, в котором выносилось решение, следовало оценивать начиная с момента, когда ответчик фактически выяснил содержание решения, а не просто узнал о его существовании. Статья 43 Регламента Брюссель I действительно не требовала от суда, в который подано ходатайство о приведении решения в исполнение, автоматически рассматривать вопрос о том, подлежали ли применению обстоятельства, перечисленные в пункте 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, в том числе возможность обжалования в государстве, в котором выносится решение. Однако, по мнению Европейской комиссии, это не имело никакого отношения к соблюдению пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку, в принципе, ни данное положение, ни право Европейского союза не регулировали вопросы допустимости доказательств и их оценки внутригосударственными судами.

93. Европейская комиссия отметила, что в целом Регламент Брюссель I не только не предусматривал возможность «автоматического» признания и приведения в исполнение судебных решений, вынесенных в другом государстве-члене, но и ставил признание и приведение решений в исполнений в зависимость от соблюдения права на состязательное производство и, соответственно, права на справедливое судебное разбирательство по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции.

3. Центр защиты прав человека в Европе (далее – Центр AIRE)

94. Представители центра AIRE подчеркнули необходимость защиты права на справедливое судебное разбирательство в контексте процедуры признания и приведения в исполнение судебных решений на территории государств-членов Европейского союза, а также обязанность внутригосударственных судов обеспечивать данное право. Суд, рассматривающий апелляцию против постановления суда по результатам рассмотрения ходатайства о принудительном исполнении иностранного судебного решения, не может ограничивать пределы рассмотрения проверкой соблюдения формальных требований, содержащихся в пункте 2 статьи 34 Регламента Брюссель I или (после 10 июня 2015 г.) в пункте 1 статьи 45 Регламента Брюссель Ibis, судебное решение не подлежит признанию, «если признание явно противоречит публичному порядку государства, в котором признание испрашивается». По словам представителей Центра AIRE, если суд не сделает этого, он совершит явную ошибку в толковании права Европейского союза. Иными словами, суд, рассматривающий апелляцию, имел право отказать в приведении решения в исполнение, если оно было вынесено с нарушением прав защиты.

95. Кроме того, представители Центра AIRE утверждали, что Европейский Суд должен пересмотреть существующий подход к босфорской презумпции, особенно в свете позиции, сформулированной Судом Европейского союза в Постановлении по делу «Меллони против Генеральной прокуратуры» и Заключении № 2/13 (см. §§ 47 и 49 настоящего Постановления). В частности, представители Центра AIRE отметили, что выводы, содержащиеся в Заключении № 2/13, в особенности в пункте 192 данного заключения, противоречили защите прав человека, гарантированной Конвенцией.

Д. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Предварительные вопросы

96. Прежде всего Европейский Суд повторяет, что, когда исход спора имеет решающее значение для гражданских прав, пункт 1 статьи 6 Конвенции подлежит применению к исполнению вступивших в законную силу иностранных судебных решений (см. Решение Европейского Суда по делу «Макдональд против Франции» (McDonald v. France) от 29 апреля 2008 г., жалоба № 18648/04, Постановление Европейского Суда по делу «Саккочча против Австрии» (Saccoccia v. Austria) от 18 декабря 2008 г., жалоба № 69917/01, §§ 60–62, и Постановление Европейского Суда по делу «Шолохов против Армении и Республики Молдова» (Sholokhov v. Armenia and Republic of Moldova) от 31 июля 2012 г., жалоба № 40358/05, § 66). Стороны не спорят с тем, что решение районного суда г. Лимассола от 24 мая 2004 г., в соответствии с которым заявитель был обязан выплатить задолженность по договору с процентами, судебные расходы и издержки, понесенные в рамках соответствующего разбирательства, касалось существа «гражданских» обязанностей со стороны заявителя. Следовательно, пункт 1 статьи 6 Конвенции был применим в настоящем деле.

97. Решение от 24 мая 2004 г. было вынесено судом Кипра, и латвийские суды вынесли решение о приведении его в исполнение на территории Латвии. Следовательно, жалобы заявителя на нарушение статьи 6 Конвенции касались разбирательства и в Республике Кипр, и в Латвийской Республике. Что касается разбирательства в Республике Кипр, заявитель жаловался, что его права защиты были нарушены, а в части, касающейся разбирательства в Латвийской Республике, заявитель утверждал, что суды узаконили разбирательство в Республике Кипр путем признания и приведения в исполнение судебного решения. Однако Европейский Суд признал жалобу против Республики Кипр неприемлемой для рассмотрения по существу ввиду нарушения правила шестимесячного срока (частичное решение от 3 марта 2010 г., см. § 4 настоящего Постановления).

Таким образом, на данной стадии разбирательства жалоба касается лишь Латвийской Республики. Соответственно, Европейский Суд не имеет юрисдикции *ratione personae*¹ для вынесения решения по вопросу о том, были ли соблюдены районным судом г. Лимассола требования пункта 1 статьи 6 Конвенции. Однако следует выяснить, не нарушили ли суды Латвии данное положение, признав решение суда Кипра подлежащим исполнению (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Пеллегрини против Италии» (Pellegrini v. Italy), жалоба № 30882/96, §§ 40–41, ECHR 2001-VIII). При этом Европейский Суд не может не учитывать соответствующие аспекты разбирательства в судах Республики Кипр.

98. Европейский Суд считает, что решение о приведении в исполнение судебного решения иностранного суда не может быть признано соответствующим требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, если оно было вынесено без предоставления проигравшей стороне возможности эффективно предъявить жалобу на несправедливость разбирательства, по результатам которого было вынесено данное решение либо в государстве, в котором решение было вынесено, либо в государстве, в котором испрашивается приведение решения в исполнение. В замечаниях третьей стороны власти Эстонии подчеркнули важность различия между приведением в исполнение решения, вынесенного судом другой Договаривающейся Стороны, и приведением в исполнение решения, вынесенного органами власти государства, которое не являлось стороной Конвенции. В первом случае, когда предполагается, что стороны могли обеспечить защиту своих конвенционных прав в государстве, в котором вынесено решение, пределы рассмотрения суда в государстве, в котором испрашивается приведение в исполнение решения, должны быть более ограничены, чем во втором случае (см. § 87 настоящего Постановления). Европейский Суд отмечает, что ранее он никогда не рассматривал вопрос о соблюдении гарантий справедливого судебного разбирательства в контексте взаимного признания судебных решений на основании права Европейского союза. Однако Европейский Суд всегда применял общий принцип, в соответствии с которым суд, рассматривающий ходатайство о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения, не может удовлетворить данное ходатайство, не проведя предварительно определенной проверки данного решения в свете гарантий справедливого судебного разбирательства, и объем данной проверки может варьироваться в зависимости от характера дела

¹ *Ratione personae* (лат.) – ввиду обстоятельств, относящихся к лицу, о котором идет речь. Здесь имеются в виду круг и признаки субъектов обращения в Европейский Суд с жалобой на предположительное нарушение прав и свобод, гарантируемых Конвенцией (примеч. переводчика).

(см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Дрозд и Янусек против Франции и Испании» (Drozd and Janousek v. France and Spain) от 26 июня 1992 г., § 110, Series A, № 240, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Пеллегрини против Италии», § 40). Исходя из изложенного в настоящем деле Европейский Суд должен определить с учетом соответствующих обстоятельств дела, была ли проверка, проведенная сенатом Верховного суда Латвийской Республики, достаточной для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции.

99. Европейский Суд подчеркивает, что в соответствии со статьей 19 Конвенции его единственной обязанностью является обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Договаривающимися Сторонами по Конвенции. В частности, в его функции не входит исправление фактических и юридических ошибок, предположительно допущенных внутригосударственным судом в ходе оценки имеющихся в его распоряжении доказательств, за исключением случаев когда и в той мере, в которой эти ошибки могли нарушить права и свободы, гарантированные Конвенцией (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гарсия Руис против Испании» (García Ruiz v. Spain), жалоба № 30544/96, § 28, *ECHR* 1999-I). Европейский Суд сам не может оценивать обстоятельства, приведшие внутригосударственный суд к принятию определенного решения и непринятию другого решения, в противном случае Европейский Суд выполнял бы функции суда четвертой инстанции без учета установленных для него пределов рассмотрения (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Чентро Эуропа 7 С.р.л.” и Ди Стефано против Италии» (Centro Europa 7 S.r.l. and Di Stefano v. Italy), жалоба № 38433/09, § 197, *ECHR* 2012). Соответственно, у Европейского Суда отсутствует юрисдикция для рассмотрения поставленных перед ним вопросов факта, таких как утверждение заявителя о том, что он выплатил свой долг до того, как было инициировано разбирательство против него (см. §§ 15 и 77 настоящего Постановления).

100. Далее Европейский Суд отмечает, что признание и приведение в исполнение судебного решения было осуществлено в соответствии с положениями Регламента Совета Европейского союза от 22 декабря 2000 г. № 44/2001 о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (известного как Регламент Брюссель I), применявшегося в период, относящийся к обстоятельствам данного дела. Заявитель утверждал, что сенат Верховного суда Латвийской Республики нарушил пункт 2 статьи 34 Регламента и соответствующее положение ГПЗ ЛР. Европейский Суд повторяет, что он не обладает компетенцией, необходи-

мой для вынесения официального решения по вопросу о соблюдении внутригосударственного законодательства, других международных договоров или права Европейского союза (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «S.J. против Люксембурга» (S.J. v. Luxembourg) от 4 марта 2008 г., жалоба № 34471/04, § 52, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жонесс против Нидерландов» (Jenness v. Netherlands) от 3 октября 2014 г., жалоба № 12738/10¹, § 110). Функция толкования и применения положений Регламента Брюссель I возложена в первую очередь на Суд Европейского союза, который рассматривает ходатайства о вынесении предварительного решения, а во вторую очередь на суды государства – членов союза, то есть когда они имплементируют положения Регламента в соответствии с разъяснениями Суда Европейского союза. Юрисдикция Европейского Суда сводится к рассмотрению вопроса о соблюдении требований Конвенции, в настоящем деле пункта 1 статьи 6 Конвенции. Следовательно, в отсутствие произвола, при котором сам по себе был бы поставлен вопрос о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции, в задачи Европейского Суда не входит вынесение решения относительно того, правильно ли сенат Верховного суда Латвийской Республики применил пункт 2 статьи 34 Регламента Брюссель I или любую иную норму права Европейского союза.

2. Презумпция эквивалентной защиты (босфорская презумпция)

(а) Пределы действия презумпции эквивалентной защиты

101. Европейский Суд повторяет, что, даже применяя право Европейского союза, Договаривающиеся Стороны остаются связанными обязательствами, которые они добровольно приняли на себя, присоединившись к Конвенции. Однако эти обязательства следует оценивать в свете презумпции, выработанной Европейским Судом в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии» и развитием в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мишо против Франции» (см. также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece), жалоба № 30696/09, § 338, *ECHR* 2011, и упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Повзе против Австрии», § 76). В упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015 № 5 (примеч. редактора).

по делу «Мишо против Франции» Европейский Суд обобщил свою прецедентную практику по данной презумпции следующим образом:

«102. Объединяя обе эти точки зрения и тем самым устанавливая пределы, в которых действие государства может быть оправдано соблюдением обязательств, вытекающих из членства этого государства в какой-либо международной организации, которой это государство передало часть своего суверенитета, Европейский Суд повторяет, что полное освобождение Высоких Договаривающихся Сторон от ответственности в рамках Конвенции, когда они просто исполняют свои обязательства членом какой-либо международной организации, которой они передали часть своего суверенитета, было бы несовместимо с целью и объектом Конвенции: гарантии Конвенции могли бы ограничиваться или исключаться по желанию, тем самым лишая Конвенцию ее императивного характера и подрывая практический и эффективный характер ее гарантий. Другими словами, государства сохраняют свою ответственность в рамках Конвенции за меры, принимаемые ими для соблюдения своих международных правовых обязательств, даже когда эти обязательства вытекают из их членства в международной организации, которой они передали часть своего суверенитета (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии”, § 154).

103. Однако Европейский Суд действительно признавал, что действие государства, совершенное в соответствии с такими правовыми обязательствами, является обоснованным, если соответствующая организация защищает основные права человека как в отношении предоставляемых материально-правовых гарантий, так и в отношении механизмов контроля за их соблюдением, способом, который может считаться, по меньшей мере, эквивалентным, то есть не идентичным, а “соизмеримым” способу, предусмотренному Конвенцией (предполагается, что любой вывод об “эквивалентности” не может быть окончательным и может быть пересмотрен в свете какого-либо соответствующего изменения в области защиты основных прав человека). Если считается, что такая эквивалентная защита прав была предоставлена организацией, в качестве презумпции будет выступать тот факт, что государство не нарушило требований Конвенции, если оно лишь выполняло правовые обязательства, вытекающие из его членства в этой организации.

Тем не менее государство должно нести полную ответственность в соответствии с Конвенцией за все действия, выходящие за пределы строгих международных правовых обязательств, особенно когда они осуществляются по усмотрению государства (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “M.S.S. против Бельгии и Греции”, § 338). Кроме того, любая подобная презумпция может быть опровергнута, если из обстоятельств конкретного дела следует, что защита гарантированных Конвенцией прав была явно недостаточной. В данных случаях роль Конвенции в качестве “конституционного инструмента европейского общественного порядка”

в области защиты прав человека будет выше интересов международного сотрудничества (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии”, §§ 152–158, а также среди иных примеров упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “M.S.S. против Бельгии и Греции”, §§ 338–340).

104. Презумпция эквивалентной защиты призвана, в частности, обеспечить, чтобы Договаривающаяся Сторона не столкнулась с дилеммой, когда она вынуждена ссылаться на правовые обязательства, возложенные на нее как на члена международной организации, которая не является стороной Конвенции и которой она передала часть своего суверенитета, чтобы обосновать свои действия или бездействие по отношению к Конвенции, являющиеся следствием такого членства. Презумпция служит также для определения случаев, когда Европейский Суд может в интересах международного сотрудничества уменьшить объем своих функций, возложенных на него статьей 19 Конвенции, по надзору за обеспечением соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции. Из этих целей следует, что Европейский Суд принимает такой механизм лишь в случае, когда правам и гарантиям, которые он защищает, обеспечена защита, соизмеримая с защитой, предоставляемой самим Европейским Судом. В противном случае государство избежало бы любого международного надзора за соблюдением своих обязательств по Конвенции».

102. В контексте бывшей «первой колонны» Европейского союза (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», § 72) Европейский Суд признал, что защита основных прав, предоставляемая правовой системой Европейского союза, в принципе была эквивалентна защите, предоставляемой Конвенцией. Делая данный вывод, Европейский Суд признал, во-первых, что Европейский Суд обеспечивал эквивалентную защиту материально-правовых гарантий, отметив в связи с этим, что в рассматриваемое время уважение основных прав человека уже было условием законности актов Сообщества и что при осуществлении своей оценки Суд Европейского союза широко ссылаясь на положения Конвенции и на прецедентную практику Европейского Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», § 159). Этот вывод применялся *a fortiori*¹ начиная с 1 декабря 2009 г., когда вступила в силу статья 6 (с изменениями) Договора о Европейском союзе, в соответствии с которой

¹ *A fortiori* (лат.) – с большим основанием, с большей убедительной силой; тем более (примеч. переводчика).

за Хартией Европейского союза об основных правах признана такая же юридическая сила, как и за договорами, и основные права, как они гарантированы Конвенцией и как они вытекают из общих для государств-членов конституционных традиций, входят в содержание права Европейского союза в качестве общих принципов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», § 106).

103. Европейский Суд признал эквивалентность защиты, предоставляемой правом Европейского союза, принимая во внимание положения пункта 3 статьи 52 Хартии об основных правах, согласно которому, поскольку Хартия содержит права, которые соответствуют правам, гарантированным Конвенцией, значение и объем этих прав равнозначны объему и значению прав, закрепленных указанной Конвенцией, при этом не исключалась возможность принятия законов Европейского союза, устанавливающих более широкую защиту (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», § 80). При рассмотрении вопроса о том, можно ли по соответствующему делу исходить из того, что защита, предоставляемая правом Европейского союза, эквивалентна защите, предоставляемой Конвенцией, Европейский Суд осознает значение соблюдения правила, установленного пунктом 3 статьи 52 Хартии об основных правах, учитывая тот факт, что со вступлением в силу Лиссабонского договора (см. § 37 настоящего Постановления) Хартия имеет такую же юридическую силу, как и договоры.

104. Во-вторых, Европейский Суд признавал, что механизм, созданный правом Европейского союза для надзора за соблюдением основных прав, при полном использовании его потенциала также предоставляет защиту, уровень которой соизмерим с уровнем защиты, предоставляемой Конвенцией. По данному вопросу Европейский Суд придал существенное значение роли и полномочиям Суда Европейского союза, несмотря на то, что доступ частных лиц к указанному суду имеет гораздо более ограниченный характер, чем доступ к Европейскому Суду в соответствии со статьей 34 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», §§ 160–165, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», §§ 106–111).

(b) Применение презумпции эквивалентной защиты в настоящем деле

105. Европейский Суд повторяет, что презумпция эквивалентной защиты в правовой системе

Европейского союза применяется при выполнении двух условий, изложенных в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мишо против Франции». У внутригосударственных органов должна отсутствовать какая-либо свобода для маневра, и должен быть задействован весь потенциал надзорного механизма, предусмотренного правом Европейского союза (*ibid*¹, §§ 113–115). В связи с этим Европейский Суд должен выяснить, были ли выполнены эти два условия в настоящем деле.

106. Что касается первого условия, Европейский Суд отмечает прежде всего, что положение, использованное сенатом Верховного суда Латвийской Республики, содержалось в регламенте, который применялся на территории государства-члена в полном объеме и непосредственно, а не в директиве, которая связала бы государство в части результата, которого требовалось достигнуть, но оставила бы ему свободу выбора средств и способов достижения этого результата (и наоборот, см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», § 113). Что касается конкретно положения, примененного в настоящем деле, а именно пункта 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, Европейский Суд отмечает, что данный пункт допускал отказ в признании или приведении в исполнение иностранного судебного решения лишь в очень четких пределах и при условии соблюдения ряда условий, а именно: «[ответчику] официальное извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ не был вручен надлежащим образом или был вручен несвоевременно, так что он был лишен возможности организовать свою защиту, кроме случаев, когда ответчик не предпринял возможных мер для обжалования вынесенного решения, если он имел возможность это сделать». Из разъяснений, содержащихся в довольно обширном пласте прецедентной практики Суда Европейского союза (см. §§ 57–61 настоящего Постановления), ясно, что данное положение не предоставляет какой-либо свободы усмотрения суду, в который подано ходатайство о приведении в исполнение судебного решения. В связи с этим Европейский Суд делает вывод, что сенат Верховного суда Латвийской Республики не имел свободы для маневра в настоящем деле.

107. Таким образом, настоящее дело следует отличать от упоминавшегося выше дела «M.S.S. против Бельгии и Греции». В указанном деле, рассматривая вопрос об ответственности властей Бельгии согласно Конвенции, Европейский Суд отметил, что в соответствии с положениями применимого регламента (Регламент Дублин II) у государственных органов Бельгии сохранялось право решать, стоит ли применять оговорку о «сувере-

¹ *Ibid.* (лат. сокращение от *ibidem*) – там же (примеч. переводчика).

нитете», которая позволяла им рассматривать ходатайства о предоставлении убежища и воздерживаться от возвращения заявителя назад в Грецию, если они полагали, что власти Греции с большой степенью вероятности не будут выполнять свои обязательства по Конвенции (§§ 339–340). Напротив, пункт 2 статьи 34 Регламента Брюссель I таких дискреционных полномочий государствам не предоставлял.

108. В своих замечаниях третьей стороны Центр AIRE утверждал, что сенат Верховного суда Латвийской Республики мог и должен был применить пункт 1 статьи 34 Регламента Брюссель I, в соответствии с которым в признании судебного решения, подлежащего исполнению, должно быть отказано, если «признание явно противоречит публичному порядку государства, в котором признание испрашивается». По мнению представителей Центра AIRE, данное положение наделяло латвийский суд определенной свободой усмотрения (см. § 94 настоящего Постановления). Однако доводы, приведенные заявителем в Верховном суде Латвийской Республики, сводились к применению пункта 2 статьи 34. Следовательно, Европейский Суд ограничит свой анализ жалобами заявителя в том виде, в котором он их представил на рассмотрение Верховного суда Латвийской Республики, и в контексте настоящего разбирательства. Европейский Суд считает, что в его задачи не входит определение того, могло ли подлежать применению другое положение Регламента Брюссель I.

109. Что касается второго условия, касающегося задействования всего потенциала надзорного механизма, предусмотренного правом Европейского союза, Европейский Суд отмечает прежде всего, что в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии» он признал, что в целом уровень защиты, обеспечиваемый надзорными механизмами, предусмотренными в Европейском союзе, был эквивалентен уровню защиты, предусмотренному механизмом Конвенции (*ibid.*, §§ 160–164). Обращаясь к конкретным обстоятельствам настоящего дела, Европейский Суд отмечает, что сенат Верховного суда Латвийской Республики не обращался в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения по вопросу толкования и применения пункта 2 статьи 34 Регламента. Однако Европейский Суд считает, что это второе условие должно применяться без излишнего формализма и с учетом особенностей рассматриваемого надзорного механизма. По мнению Европейского Суда, не принесло бы пользы применение босфорской презумпции при условии обращения внутригосударственного суда в Суд Европейского союза с ходатайством о выне-

сении предварительного решения во всех случаях без исключения, в том числе когда в действительности не стоит серьезного вопроса о защите основных прав в соответствии с положениями права Европейского союза или когда Суд Европейского союза уже вынес ясное решение о том, каким образом применимые положения права Европейского союза должны толковаться в порядке, соответствующем основным правам.

110. Европейский Суд отмечает, что в несколько ином контексте он уже признавал, что суды государства-ответчика, решения которых невозможно обжаловать в соответствии с внутригосударственным законодательством, обязаны указывать мотивы отказа от передачи рассмотрения вопроса в Суд Европейского союза для вынесения предварительного решения, с учетом исключений, предусмотренных прецедентной практикой Суда Европейского союза. В этой связи внутригосударственные суды должны указывать причины, по которым, по их мнению, нет необходимости обращаться с ходатайством о вынесении предварительного решения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Улленс де Схоотен и Резабек против Бельгии» (*Ullens de Schooten and Rezabek v. Belgium*) от 20 сентября 2011 г., жалобы №№ 3989/07 и 38353/07, § 62, и Постановление Европейского Суда по делу «Дахби против Италии» (*Dhahbi v. Italy*) от 8 апреля 2014 г., жалоба № 17120/09, §§ 31–34). Европейский Суд подчеркивает, что цель, которую он преследует при проведении проверки в данном отношении, состоит в том, чтобы определить, являлся ли сам по себе отказ от обращения с ходатайством о вынесении предварительного решения по определенному вопросу нарушением пункта 1 статьи 6 Конвенции. При этом Европейский Суд принимает во внимание подход, уже выработанный в прецедентной практике Суда Европейского союза. Данная проверка, следовательно, отличается от проверки, проводимой, когда, как в настоящем деле, Европейский Суд анализирует решение не обращаться с ходатайством о вынесении предварительного решения в рамках общего анализа уровня защиты основных прав, предусмотренного правом Европейского союза. Европейский Суд осуществляет свою оценку в соответствии с прецедентной практикой, выработанной в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», чтобы определить, может ли он применить к обжалуемому решению презумпцию эквивалентной защиты, которую Европейский Суд применяет в соответствии с условиями, которые он сам установил.

111. Таким образом, Европейский Суд считает, что вопрос о том, был ли задействован в полном объеме весь потенциал надзорных механизмов, предусмотренных правом Европейского союза, а конкретно вопрос о том, мог ли тот факт, что

внутригосударственный суд, рассматривавший дело, не обратился в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения, исключить применение презумпции эквивалентной защиты, следовало рассматривать в свете конкретных обстоятельств каждого дела. В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявитель не озвучил конкретных доводов по поводу толкования пункта 2 статьи 34 Регламента Брюссель I и его соответствия основным правам, чтобы можно было сделать вывод о том, что требовалось обратиться в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения. Данная позиция подтверждается тем, что заявитель не предъявлял каких-либо ходатайств в этом отношении в сенат Верховного суда Латвийской Республики. Таким образом, настоящее дело ясно отличается от упоминавшегося выше дела «Мишо против Франции», в котором верховный суд государства-ответчика отклонил требование заявителя об обращении в Суд Европейского союза с ходатайством о вынесении предварительного решения, несмотря на то даже, что вопрос о соответствии Конвенции спорной нормы права Европейского союза никогда ранее не рассматривался Судом Европейского союза (*ibid.*, § 114). Соответственно, тот факт, что данный вопрос не был передан в Суд Европейского союза для вынесения предварительного решения, не имеет решающего значения в настоящем деле. Таким образом, можно признать, что было выполнено второе условие для применения босфорской презумпции.

112. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд делает вывод, что презумпция эквивалентной защиты подлежит применению в настоящем деле, поскольку сенат Верховного суда Латвийской Республики всего лишь имплементировал правовые обязательства Латвийской Республики, вытекающие из ее членства в Европейском союзе (см. *mutatis mutandis* упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Повзе против Австрии», § 78). Соответственно, задача Европейского Суда сводится к установлению того, была ли защита прав, гарантированных Конвенцией, настолько явно недостаточной в настоящем деле, что можно говорить об опровержении данной презумпции. В таком случае интересы соблюдения Конвенции как «конституционного инструмента европейского публичного порядка» в области прав человека перевесили бы интересы международного сотрудничества (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», § 156, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции», § 103). При рассмотрении данного вопроса Европейский Суд должен

учесть и пункт 2 статьи 34 Регламента Брюссель I как таковой, и конкретные обстоятельства, при которых эта норма была применена в настоящем деле.

3. Утверждение о том, что защита прав, гарантированных Конвенцией, была явно недостаточной

(a) Общие замечания по вопросу взаимного признания

113. В общих чертах Европейский Суд отмечает, что Регламент Брюссель I частично основывается на механизмах взаимного признания, которые в свою очередь основаны на принципе взаимного доверия между государствами – членами Европейского союза. В преамбуле к Регламенту Брюссель I указывается, что Регламент зиждется на подходе, который состоит во «взаимном доверии в отношениях по осуществлению правосудия» в пределах Европейского союза, и это предполагает, что «документ об исполнимости решения должен быть оформлен непосредственно после проведения формальной проверки приложенных к нему документов. При этом суд не имеет права по собственной инициативе применить основания для отказа в приведении в исполнение, предусмотренные Регламентом» (см. § 54 настоящего Постановления). Европейский Суд осознает значение механизмов взаимного признания для формирования пространства свободы, безопасности и правосудия, о котором говорится в статье 67 Договора о функционировании Европейского союза, а также важность взаимного доверия, которого они требуют. Как сказано в пункте 1 статьи 81 и пункте 1 статьи 82 Договора о функционировании Европейского союза, взаимное признание судебных решений способствует, в частности, эффективному судебному сотрудничеству по гражданским и уголовным делам. Европейский Суд неоднократно подчеркивал свою приверженность международному и европейскому сотрудничеству (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Уэйт и Кеннеди против Германии» (*Waite and Kennedy v. Germany*), жалоба № 26083/94, §§ 63 и 72, *ECHR* 1999-I, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», § 150). В этом отношении Европейский Суд полагает, что формирование пространства свободы, безопасности и правосудия в Европе и принятие средств, необходимых для достижения этой цели, в принципе являются абсолютно правомерными с точки зрения Конвенции.

114. Тем не менее методы, используемые для формирования пространства, не должны нару-

шать основные права лиц, затронутых соответствующими механизмами, что подтверждается пунктом 1 статьи 67 Договора о функционировании Европейского союза. Однако очевидно, что цель эффективности, которую преследуют некоторые из использованных методов, ведет к жесткому регулированию или даже ограничению контроля за соблюдением основных прав. Так, Суд Европейского союза недавно отметил в Заключении № 2/13, что «при имплементации нормативных правовых актов Европейского союза от государств-членов в соответствии с правом Европейского союза может потребоваться исходить из того, что основные права были соблюдены другими государствами-членами, так что они... не могут проверять, в отсутствие исключительных обстоятельств, требующих иного подхода, были ли основные права, гарантированные Европейским союзом, фактически соблюдены в конкретном случае» (см. § 49 настоящего Постановления). Таким образом, ограничение лишь исключительными случаями полномочий государства по контролю за соблюдением основных прав государством, в котором выносится судебное решение, подлежащее признанию, в конкретных ситуациях могло противоречить предусмотренному Конвенцией требованию о том, что суд государства, в котором испрашивается признание, должен по крайней мере иметь право осуществить контроль соразмерно тяжести серьезных утверждений о нарушении основных прав в государстве, в котором выносится решение, с целью обеспечить, что защита этих прав не является явно недостаточной.

115. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что, когда внутригосударственные органы имплементируют право Европейского союза и не имеют свободы усмотрения в этом отношении, презумпция эквивалентной защиты, изложенная в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии», подлежит применению. Речь идет о случаях, когда механизмы взаимного признания требуют от суда предположить, что соблюдение основных прав другим государством-членом было достаточным. Тогда внутригосударственный суд лишается свободы усмотрения по этому вопросу, что влечет автоматическое применение босфорской презумпции эквивалентной защиты. Европейский Суд подчеркивает, что в данном случае парадоксальным образом судебный надзор за соблюдением основных прав дважды ограничивается вследствие совокупного действия презумпции, на которой основано взаимное признание судебных решений, и босфорской презумпции эквивалентной защиты.

116. В упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ком-

пания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии» Европейский Суд повторил, что Конвенция является «конституционным инструментом европейского публичного порядка» (*ibid.*, § 156). Соответственно, если выполнены условия для применения презумпции эквивалентной защиты (см. §§ 105–106 настоящего Постановления), Европейский Суд должен убедиться в том, что механизмы взаимного признания не оставляют места для каких-либо лагун или ситуаций, которые могут привести к тому, что защита прав человека, гарантированных Конвенцией, станет явно недостаточной. При этом Европейский Суд в духе взаимодополняемости учитывает то, каким образом функционируют эти механизмы, и, в частности, преследуемую ими цель добиться эффективности. Тем не менее Европейский Суд должен проверить, что принцип взаимного признания не применяется автоматически и механически (см. *mutatis mutandis* Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х против Латвии» (*X v. Latvia*) от 26 ноября 2013 г., жалоба № 27853/09¹, §§ 98 и 107, *ECHR* 2013) в ущерб основным правам, которые, как отмечал также и Суд Европейского союза, должны соблюдаться в данном контексте (см., например, Постановление Суда Европейского союза по делу «Альфа Банк Кипр Лтд против Дау Си Сенх и других», процитированное в § 48 настоящего Постановления). Исходя из этого, когда суды государства, являющегося одновременно и Договаривающейся Стороной Конвенции, и государством – членом Европейского союза, призваны применить механизм взаимного признания, установленный правом Европейского союза, они должны в полной мере задействовать данный механизм в случае, когда защита прав, гарантированных Конвенцией, не может быть признана явно недостаточной. Однако, если на их рассмотрение поступила серьезная и обоснованная жалоба на то, что защита права, гарантированного Конвенцией, была явно недостаточной, и подобная ситуация не могла быть исправлена правом Европейского союза, они не могут не рассмотреть такую жалобу на основании лишь того, что они применяют право Европейского союза.

(b) Была ли защита основных прав явно недостаточной в настоящем деле

117. Европейский Суд далее должен определить, была ли защита основных прав, предоставленная сенатом Верховного суда Латвийской Республики, настолько явно недостаточной в настоящем деле, что можно признать презумпцию эквивалентной защиты опровергнутой в отношении того, что

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1 (примеч. редактора).

касается примененной нормы права Европейского союза, а также ее применения конкретно в случае заявителя.

118. Европейский Суд считает, что требование об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, вытекающее из механизма, предусмотренного пунктом 2 статьи 34 Регламента Брюссель I в соответствии с разъяснениями Суда Европейского союза (ответчик должен был использовать любые средства правовой защиты, доступные в государстве, в котором было вынесено решение, прежде чем жаловаться на отсутствие извещения о возбуждении дела), само по себе не является проблематичным с точки зрения гарантий, предусмотренных пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Речь идет о предварительном условии, которое преследует цель обеспечения надлежащего отправления правосудия в духе процессуальной экономии и исходит из логики, аналогичной лежащей в основе правила об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, предусмотренного в пункте 1 статьи 35 Конвенции. Эта логика характеризуется двумя аспектами: с одной стороны, государство не несет ответственности за свои действия перед международным органом, прежде чем ему будет предоставлена возможность исправить ситуацию при помощи собственной правовой системы, а, с другой стороны, предполагается, что в рамках этой правовой системы существует эффективное средство правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения (см. *mutatis mutandis* Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 16 сентября 1996 г., § 65, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-IV, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саргсян против Азербайджана» (*Sargsyan v. Azerbaijan*) от 16 июня 2015 г., жалоба № 40167/06¹, § 115, *ECHR* 2015). Соответственно, Европейский Суд не находит признаков того, что предоставленная защита была явно недостаточной в данном отношении.

119. Однако Европейский Суд подчеркивает, что тесно взаимосвязанные принципы состязательности и равноправия сторон являются ключевыми компонентами понятия «справедливое судебное разбирательство» по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции. Они требуют установления «справедливого равновесия» между сторонами: каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность изложить свои доводы на условиях, при которых ни одна из сторон не будет поставлена в существенно невыгодное положение по сравнению с другой стороной или сторонами (см., например, Постановление Европейского

Суда по делу «Горраис Лисаррага и другие против Испании» (*Gorraiz Lizarraga and Others v. Spain*), жалоба № 62543/00, § 56, *ECHR* 2004-III). Эти принципы, охватывая все аспекты процессуального законодательства Договаривающихся Сторон, применимы также в конкретной области вручения судебных документов сторонам разбирательства (см. Постановление Европейского Суда по делу «Михолапа против Латвии» (*Miholapa v. Latvia*) от 31 мая 2007 г., жалоба № 61655/00, § 23, и Постановление Европейского Суда по делу «Ёвюш против Турции» (*Övüş v. Turkey*) от 13 октября 2009 г., жалоба № 42981/04, § 47), хотя пункт 1 статьи 6 Конвенции не может толковаться как предписывающий наличие конкретной формы вручения документов (см. упоминавшееся выше Решение Европейского союза по делу «Орамс против Кипра»).

120. Возвращаясь к настоящему делу, Европейский Суд отмечает, что в судах Латвии заявитель утверждал, в частности, что он не был надлежащим образом и своевременно извещен о подаче компанией F.H. Ltd. судебной повестки с вызовом в районный суд г. Лимассола и исковых требований, вследствие чего у него не было возможности организовать свою защиту. В связи с этим заявитель полагал, что в признании оспариваемого решения должно было быть отказано на основании пункта 2 статьи 34 Регламента Брюссель I. По словам заявителя, повестка была направлена по адресу, по которому с ним физически невозможно было связаться, хотя юристы Кипра и Латвии, представлявшие интересы компании-истцы, прекрасно знали адрес его места работы в г. Риге и легко могли выяснить его домашний адрес (см. § 30 настоящего Постановления). Таким образом, в судах Латвии заявитель выдвинул обоснованные утверждения о существовании процессуального недостатка, *a priori*² противоречившего пункту 1 статьи 6 Конвенции и исключавшего приведение решения суда Кипра в исполнение на территории Латвийской Республики.

121. С учетом вышеизложенного Европейский Суд отмечает, что в ходе разбирательства в сенате Верховного суда Латвийской Республики заявитель жаловался на то, что он не получил повестку и не был уведомлен о вынесении решения судом Кипра. При этом он ссылаясь на основания для отказа в признании, предусмотренные пунктом 2 статьи 34 Регламента Брюссель I. Указанное положение прямо устанавливает, что на данные основания можно ссылаться лишь при условии, что вынесенное решение было предварительно обжаловано, если имелась возможность сделать это. Тот факт, что заявитель ссылаясь на эту статью, не обжаловав вынесенное решение в установленном поряд-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (примеч. редактора).

² *A priori* (лат.) – заранее (примеч. переводчика).

ке, поднимал вопрос о доступности рассматриваемого средства правовой защиты в Республике Кипр при обстоятельствах настоящего дела. В имевшейся ситуации сенат Верховного суда Латвийской Республики не мог просто подвергнуть заявителя критике, как он сделал это в постановлении от 31 января 2007 г., за то, что тот не обжаловал соответствующее решение, и оставить без внимания вопрос о бремени доказывания в отношении существования и доступности средства правовой защиты в государстве, в котором вынесено решение. Пункт 1 статьи 6 Конвенции, как и пункт 2 статьи 34, *in fine*, Регламента Брюссель I, требовал проверки того, что данное условие выполнено, в противном случае сенат Верховного суда Латвийской Республики не мог отказать рассматривать жалобу заявителя. Европейский Суд считает, что вопрос распределения бремени доказывания, который, по мнению Европейской комиссии (см. § 92 настоящего Постановления), не регулируется законодательством Европейского союза, имел решающее значение в настоящем деле. Следовательно, данный вопрос следовало рассматривать в рамках состязательного судопроизводства, по итогам которого могли быть сделаны обоснованные выводы. Однако Верховный суд Латвийской Республики молчаливо предположил, что либо бремя доказывания лежало на ответчике, либо что такое средство правовой защиты в действительности имелось в распоряжении заявителя. Данный подход, отражая буквальное и автоматическое применение пункта 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, теоретически мог привести к выводу, что предоставленная защита была настолько явно недостаточной, что презумпция эквивалентной защиты прав защиты, гарантированных пунктом 1 статьи 6, оказывается опровергнутой. Тем не менее при конкретных обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд не считает, что этот подход может быть применен, хотя подобный недостаток и достоин сожаления.

122. В действительности из информации, предоставленной властями Кипра по просьбе Большой Палате, очевидно следовало, и стороны не спорили с этим, что законодательство Республики Кипр обеспечивало заявителю после того, как он узнал о существовании судебного решения, совершенно реальную возможность обжаловать данное решение, несмотря на то, что прошло много времени с момента его вынесения. В соответствии с законодательством и судебной практикой Республики Кипр, когда ответчик, против которого было заочно вынесено судебное решение, ходатайствует об отмене этого решения и небезосновательно утверждает, что он не был надлежащим образом вызван в суд, вынесший решение, то суд, рассматривающий ходатайство, должен, а не просто вправе, отменить решение, вынесенное заочно (см. § 68 настоящего Постановле-

ния). Соответственно, Европейский Суд не убежден доводом заявителя о том, что такое производство неминуемо закончилось бы неудачей. Европейский Суд последовательно признавал, что, если существует какое-либо сомнение относительно того, есть ли вероятность успешного использования определенного средства правовой защиты, данный вопрос должен быть передан на рассмотрение внутрисударственных судов (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции», § 71, и Постановление Европейского Суда по делу «Найденев против Болгарии» (*Naydenov v. Bulgaria*) от 26 ноября 2009 г., жалоба № 17353/03, § 50). В настоящем деле Европейский Суд считает, что в период с 16 июня 2006 г. (дата, когда заявителю был предоставлен доступ ко всем материалам дела в помещении суда первой инстанции и когда он смог ознакомиться с содержанием решения суда Кипра) по 31 января 2007 г. (дата судебного заседания, проведенного сенатом Верховного суда Латвийской Республики) у заявителя было достаточно времени для того, чтобы воспользоваться средством правовой защиты в судах Республики Кипр. Однако по причинам, известным одному заявителю, он даже не попытался сделать этого.

123. Тот факт, что в решении суда Кипра отсутствует указание на доступные средства правовой защиты, не влияет на выводы Европейского Суда. Действительно, в соответствии с пунктом 1 статьи 230 ГПЗ ЛР в своих решениях суды указывают подробный порядок и срок обжалования этих решений (см. § 67 настоящего Постановления). Но хотя эта норма заслуживает похвалы, поскольку она обеспечивает дополнительную гарантию, способствующую осуществлению прав участников судебного разбирательства, нельзя сделать вывод о необходимости ее существования в результате толкования пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Компания “Сосьете Герэн Отомобиль” против 15 государств – членов Европейского союза» (*Société Guérin Automobiles v. the 15 States of the European Union*) от 4 июля 2000 г., жалоба № 51717/99). Следовательно, обязанность выяснения, какие средства правовой защиты существовали в правовой системе Республики Кипр после того, как заявителю стало известно о соответствующем решении, возлагалась на самого заявителя, который в случае необходимости мог прибегнуть к помощи консультантов.

124. По данному вопросу Европейский Суд согласен с мнением властей государства-ответчика о том, что заявитель, который работал консультантом по инвестициям, должен был быть знаком с юридическими последствиями подписания им соглашения о признании долга. Это соглашение регулировалось законодательством

Республики Кипр, касалось денежной суммы, выданной заявителю в качестве займа кипрской компанией, и содержало оговорку о подсудности споров, вытекающих из соглашения, судам Кипра. Соответственно, заявитель должен был ознакомиться с порядком возможного разбирательства в судах Кипра (см. *mutatis mutandis* Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Робба против Германии» (*Robba v. Germany*) от 28 февраля 1996 г., жалоба № 20999/92, не опубликовано). Не получив информации по данному вопросу, он в значительной степени способствовал своим бездействием и отсутствием надлежащего усердия возникновению ситуации, на которую он жаловался в Европейский Суд и которую он мог предотвратить во избежание причинения какого-либо вреда (см. *mutatis mutandis* Решение Европейского Суда по делу «Хуссин против Бельгии» (*Hussin v. Belgium*) от 6 мая 2004 г., жалоба № 70807/01, и упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Макдональд против Франции»).

125. Следовательно, при конкретных обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд не считает, что защита основных прав была настолько явно недостаточной, чтобы можно было признать презумпцию эквивалентной защиты опровергнутой.

126. Наконец, что касается других жалоб на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, в той мере, в которой у Европейского Суда имеется юрисдикция для вынесения решения по ним, он не видит признаков нарушения прав, гарантированных данным положением Конвенции.

127. Таким образом, не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

На основании изложенного Суд:

постановил 16 голосами «за» при одном – «против», что не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках, передано сторонам на открытом слушании во Дворце прав человека 23 мая 2016 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ
Заместитель Секретаря
Большой Палаты

Андраш ШАЙО
Председатель
Большой Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) совместное совпадающее особое мнение судей Пауля Лемменса и Яутрите Бриедэ;

(б) несовпадающее особое мнение судьи Андраша Шайо.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ПАУЛЯ ЛЕММЕНСА И ЯУТРИТЕ БРИЕДЕ

1. Мы согласны с мнением большинства судей о том, что пункт 1 статьи 6 Конвенции применим в настоящем деле, но не был нарушен.

Однако, к сожалению, мы не можем согласиться с приведенной большинством судей мотивировкой по всем вопросам. Большинство судей в основном считают, что имелся недостаток в разбирательстве, проведенном Верховным судом Латвийской Республики (см. §§ 119–121 настоящего Постановления), но при конкретных обстоятельствах дела защита основных прав не являлась явно недостаточной, по этой причине большинство судей применило презумпцию эквивалентной защиты, известной под названием «босфорская презумпция» (см. §§ 122–125 настоящего Постановления).

При всем уважении мы не согласны с выводом о том, что имелся недостаток в разбирательстве, проведенном Верховным судом Латвийской Республики.

2. Статья 33 Регламента Брюссель I закрепляет принцип, согласно которому судебное решение, принятое в одном из государств-членов, должно признаваться в другом государстве-члене. Статья 34 Регламента Брюссель I предусматривает исключения при применении данного принципа, описывая две ситуации, в которых судебное решение не будет признано. Заявитель ссылался на исключение, предусмотренное в пункте 2 статьи 34 (см. § 30 настоящего Постановления). По его словам, решение районного суда г. Лимассола было вынесено в его отсутствие, и ему не было вручено извещение о возбуждении дела или равноценный этому извещению документ надлежащим образом и в срок, достаточный для организации своей защиты. На пути у заявителя было одно препятствие: он был бы не вправе ссылаться на исключение, предусмотренное в пункте 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, если бы он «не предпринял возможных мер для обжалования вынесенного решения (в Республике Кипр), если он имел возможность это сделать» (пункт 2 статьи 34, *in fine*). Таким образом, вопрос об исчерпании средств правовой защиты в Республике Кипр имел ключевое значение для принятия решения по данному доводу заявителя. Мы хотели бы отметить, что в нашем Постановлении нигде не сказано, что заявитель утверждал, что у него не было возможности обжаловать решение районного суда г. Лимассола после того, как ему стало известно о существовании этого решения (см., в частности, §§ 30 и 32 настоящего Постановления).

Важно отметить, что заявитель также сослался на другое положение Регламента Брюссель I, а именно на пункт 1 статьи 38 (см. § 31 настоящего

Постановления). В соответствии с этим положением судебное решение, вынесенное в государстве-члене и «подлежащее там исполнению», должно быть исполнено в другом государстве-члене, если оно по ходатайству заинтересованной стороны было признано подлежащим принудительному исполнению в этом государстве-члене. Заявитель утверждал, среди прочего, что «компания-истца не предоставила документально подтвержденных доказательств того, что судебное решение от 24 мая 2004 г. подлежало исполнению на территории Республики Кипр» (*ibid.*). Таким образом, вопрос о том, подлежало ли решение районного суда г. Лимассола принудительному исполнению на территории Республики Кипр, имел ключевое значение для принятия решения по второму доводу заявителя.

Верховный суд Латвийской Республики отменил решение окружного суда и вынес постановление о признании и приведении в исполнение решения районного суда г. Лимассола. Мы придаем особое значение тому, как Верховный суд Латвийской Республики рассмотрел два довода заявителя. Он признал на основании имевшихся в материалах дела доказательств, что решение районного суда г. Лимассола «вступило в законную силу». Далее он установил, что данный факт подтверждался объяснениями обеих сторон, по словам которых, это решение не было обжаловано. По нашему мнению, указанные выводы не содержали ответа на два довода заявителя: поскольку решение вступило в законную силу, оно подлежало исполнению, и, как следствие, довод, основанный на пункте 1 статьи 38 Регламента Брюссель I, был отклонен, кроме того, заявитель не оспаривал данное решение, вследствие чего довод, основанный на пункте 2 статьи 34 Регламента Брюссель I, был отклонен. Последний вывод объясняет также, почему Верховный суд Латвийской Республики счел, что вопрос о надлежащем извещении о рассмотрении дела районным судом г. Лимассола «не имел значения».

3. Большинство судей полагают, что Верховный суд Латвийской Республики должен был рассмотреть в рамках состязательного процесса вопрос о бремени доказывания по поводу существования и доступности средства правовой защиты в отношении решения районного суда г. Лимассола (см. § 121 настоящего Постановления).

На наш взгляд, при обстоятельствах настоящего дела пункт 1 статьи 6 Конвенции не требовал рассмотрения конкретно вопроса о бремени доказывания. Производство в Верховном суде Латвийской Республики, в том числе в части, касающейся бремени доказывания и мотивировки решений, регулируется законодательством Латвийской Республики. Рассмотрение доводов заявителя в соответствии с нормами внутригосударственного законодательства является задачей Верховного суда Латвийской Республики. Заявитель представил

свои доводы в Верховном суде Латвийской Республики в рамках состязательного процесса, и Верховный суд ответил на эти доводы в своем решении. Кроме того, заявитель даже не оспаривал тот факт, что в Республике Кипр существовали средства правовой защиты. Напротив, он основывал свой довод, относящийся к применению пункта 1 статьи 38 Регламента Брюссель I, как раз на том, что решение районного суда г. Лимассола до сих пор еще не подлежало исполнению, и Верховный суд Латвийской Республики мог признать позицию заявителя допущением возможности обжалования решения. В любом случае Верховный суд Латвийской Республики косвенно признал, что средство правовой защиты действительно существовало, и прямо отметил, что заявитель не воспользовался им.

По нашему мнению, если заявитель хотел доказать, что в действительности в его распоряжении в Республике Кипр не было средств правовой защиты, то он должен был поднять этот вопрос непосредственно в Верховном суде Латвийской Республики. Мы сомневаемся, что заявитель мог надеяться на то, что Верховный суд Латвийской Республики по собственной инициативе рассмотрит данный вопрос. И мы определенно полагаем, что заявитель не мог жаловаться на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, ссылаясь на отсутствие недвусмысленного ответа на довод, который он не озвучивал в явной форме.

4. На основании мотивировки, приведенной выше, мы делаем вывод, что разбирательство в Верховном суде Латвийской Республики соответствовало принципу состязательности и принципу равноправия, поэтому пункт 1 статьи 6 Конвенции не был нарушен.

5. Придя к такому выводу, мы, очевидно, не обязаны рассматривать вопрос о том, какие точно средства правовой защиты были предусмотрены законодательством Республики Кипр (см. § 122 настоящего Постановления).

Вызывает удивление тот факт, что большинство судей, дабы «уберечь» государство-ответчика от вывода о нарушении Конвенции, использует мотивировку, основанную на толковании законодательства Кипра, опираясь при этом на информацию, предоставленную властями Кипра. В принципе в задачи Европейского Суда не входит толкование внутригосударственного законодательства. В данном случае большинство судей толкуют положения внутригосударственного законодательства третьего государства, которое к тому же не являлось стороной состязательного производства в судах Латвийской Республики.

6. Наконец, в связи с тем, что, по нашему мнению, не было недостатков в разбирательстве, проведенном Верховным судом Латвийской Республики, отсутствовала необходимость в применении босфорской презумпции.

Когда Европейский Суд применяет босфорскую презумпцию, он фактически уменьшает объем своих надзорных функций в интересах международного сотрудничества (см. Постановление Европейского Суда по делу «Мишо против Франции» (*Michaud v. France*), жалоба № 12323/11, § 104, *ECtHR* 2012). Когда интересы международного сотрудничества не затронуты, Европейский Суд не должен делать этого.

Применение названной презумпции, на наш взгляд, представляется уместным лишь в случае, если рассматриваемое дело касается имплементации права Европейского союза и если в ходе соответствующего разбирательства был выявлен тот или иной недостаток. В этом случае встает вопрос о том, была ли защита основных прав настолько явно недостаточной, что презумпция, применяемая в пользу государства-ответчика, оказывается опровергнутой. Однако в настоящем деле после того, что мы называем «обычным» осуществлением контроля Европейским Судом, мы делаем вывод, что производство в Верховном суде Латвийской Республики не имело недостатков.

Соответственно, жалобу можно было отклонить, по нашему мнению, без необходимости ссылаться в мотивировке на босфорскую презумпцию.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ АНДРАША ШАЙО

1. К сожалению, я не могу согласиться с мнением большинства судей по настоящему делу.

2. 24 мая 2004 г. районный суд г. Лимассола обязал заявителя выплатить определенную сумму. Это решение было принято по итогам разбирательства, в ходе которого повестка заявителю (который являлся ответчиком в разбирательстве на внутригосударственном уровне) была направлена по неправильному адресу. По этой причине ему не могло быть известно о разбирательстве. Истец по делу запросил приведения решения суда Кипра в исполнение на территории Латвийской Республики. В ходе данного разбирательства в Латвии заявитель впервые узнал о существовании решения суда Кипра. Хотя окружной суд отменил приказ о приведении решения в исполнение, Верховный суд Латвийской Республики вынес постановление о признании и приведении в исполнение решения кипрского суда. Поразительно, что требуемый сертификат, датированный 18 января 2007 г. (то есть он был выдан по прошествии двух лет с момента подачи ходатайства о приведении решения в исполнение в суд Латвии), был представлен только на стадии предъявления апелляционной жалобы в Верховный суд Латвийской Республики, а также что он был принят на этой стадии разбирательства. Однако дело касается более фундаментальных вопросов справедливости. Оно также поднимает вопросы применения права

Европейского союза Европейским Судом. Именно по этим вопросам мое мнение расходится с мнением большинства судей.

3. Европейский Суд не отрицает, что «решение о приведении в исполнение судебного решения иностранного суда не может быть признано соответствующим требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, если оно было вынесено без предоставления проигравшей стороне возможности эффективно предъявить жалобу на несправедливость разбирательства, по результатам которого было вынесено данное решение либо в государстве, в котором решение было вынесено, либо в государстве, в котором испрашивается приведение решения в исполнение» (см. § 98 настоящего Постановления).

4. Вместе с тем согласно мотивировке Европейского Суда:

а) судам государства-ответчика не предоставлено свободы усмотрения по данному вопросу, так как дело следовало рассматривать в соответствии с Регламентом Брюссель I, который на основании разъяснений, данных Судом Европейского союза (по крайней мере, в том виде, в котором их понял Европейский Суд), не предусматривает свободы усмотрения при проведении оценки;

б) такое исключение контроля за справедливостью внутригосударственного разбирательства в контексте исполнимости решения суда Кипра не вызывает вопросов, поскольку следует отметить, что та же самая правовая система, которая исключает возможность осуществления подобного контроля, обеспечивает достаточную защиту. Когда отсутствие достаточной защиты вытекает из права Европейского союза, нельзя вести речь, по крайней мере, *prima facie*, об отсутствии достаточной защиты, поскольку «в целом уровень защиты, обеспечиваемый надзорными механизмами, предусмотренными в Европейском союзе, был эквивалентен уровню защиты, предусмотренной механизмом Конвенции» (см. § 109 настоящего Постановления, ссылающийся на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии»);

с) настоящее дело касается (взаимного) признания (иностранных) судебных решений;

д) в контексте механизма взаимного признания судебных решения на территории Европейского союза босфорская презумпция эквивалентной защиты применяется таким образом, что только в случае явно недостаточной защиты прав, гарантированных Конвенцией, возникает вопрос о соблюдении Конвенции;

е) не было установлено явного недостатка, хотя сенат Верховного суда Латвийской Республики не рассмотрел вопрос о доступности средства правовой защиты в государстве, в котором вынесено решение;

f) по утверждениям властей Кипра, «и стороны не спорили с этим», в Республике Кипр существовала «совершенно реальная возможность обжаловать данное решение».

5. Однако если фактическое предположение, указанное в пункте «f», правильно, жалобу следовало объявить неприемлемой для рассмотрения по существу, и не было бы необходимости обращаться к делу «Компания “Босфорус Хава Йоллари Туризм ве Тиджарет Аноним Ширкети” против Ирландии» и к концепции явной недостаточности. Кроме того, как отметил сам Европейский Суд, стороны (и Европейский Суд) должны опираться в рамках разбирательства в Европейском Суде на обстоятельства, рассмотренные внутригосударственными судами. В соответствии с решением сената Верховного суда Латвийской Республики «решение районного суда г. Лимассола вступило в законную силу», поскольку, среди прочего, оно не было обжаловано (нельзя поставить это в вину заявителю). Однако как раз эта самая невозможность обжалования и лежит в основе отсутствия процессуальной справедливости: без надлежащего извещения о разбирательстве нет возможности подать апелляционную жалобу. Я не вижу, на каком этапе внутригосударственного разбирательства заявитель мог поднять вопрос о возможности обжалования решения в Республике Кипр: и стороны, и суды Латвии согласились с тем, что данная возможность отсутствовала, и единственный спорный вопрос заключался в том, могло ли быть приведено в исполнение такое решение, вынесенное в нарушение требований справедливого разбирательства. Тем не менее и сенат Верховного суда Латвийской Республики, и Европейский Суд в своих решениях возлагают вину на заявителя, хотя исполнительное производство уже шло полным ходом, и вопрос состоял в том, могло ли быть приведено в исполнение судебное решение, вынесенное в нарушение обязанности заслушать стороны.

6. Самому Европейскому Суду известно о недостатках производства в Латвии, и он признал, что суд этой страны не рассматривал вопрос о возможности подачи апелляции в суды Республики Кипр, по крайней мере, в части, касающейся бремени доказывания существования возможности использования средства правовой защиты в рамках состязательного производства, по итогам которого выносится мотивированное решение. В то же время в настоящем Постановлении Европейский Суд отмечает, что данный недостаток не достигал уровня явного недостатка, то есть некоего порога, по достижении которого осуществляется углубленный контроль со стороны Европейского Суда в случаях, когда предполагается существование эквивалентной защиты в области взаимного признания. Благодаря тому, что в настоящем деле Европейский Суд осуществил минимальный контроль, он смог признать установленным факт отсутствия нару-

шения, поскольку, учитывая, что заявитель предположительно не подал апелляцию в Республике Кипр, «достойный сожаления недостаток в Латвии» не может быть признан подобным явным нарушением.

7. На данном этапе я должен озвучить свои замечания относительно босфорского принципа и, в частности, его применения к положениям Регламента, которые не предоставляют свободы усмотрения, позволяющей применять соображения, вытекающие из Конвенции¹. Обычно в обоснование босфорского принципа приводится, как это сделал Европейский Суд при вышеописанных обстоятельствах, то, что правовая система Европейского союза уже учитывает ценности и права, изложенные в Конвенции, и обеспечивает им защиту благодаря Суду Европейского союза. Действительно разумно предположить, что, когда государства передают свой суверенитет международной организации, которая признает основные права, гарантированные Конвенцией и предусмотренные имеющей прямое применение Хартией об основных правах (пункт 3 статьи 52), эти права подлежат защите. Фактически существует правовой механизм (Суд Европейского союза), на который возложена задача по эффективной защите основных прав.

8. Существует и другое обоснование критерия явного недостатка в том виде, в котором он был применен в контексте взаимного доверия и признания: этот критерий служит интересам международного сотрудничества. Однако даже если предположить чисто гипотетически, что система Европейского союза предоставляет эквивалентную защиту в рамках материально-правовых норм и на процессуальном уровне посредством Суда Европейского союза, нельзя жертвовать правами, гарантированными Конвенцией, во имя международного сотрудничества – данное соображение не относится к основаниям ограничения прав, гарантированных Конвенцией. Я вижу веские причины практического характера в пользу применения презумпций соответствия Конвенции стандартов контроля, осуществляемого в рамках региональной международной организации вроде Европейского союза, в которой прямо признаются права, гарантированные Конвенцией (по крайней мере, с того момента, как начала применяться Хартия). В этом отношении вежливость требует проявлять определенное уважение. Но тот факт, что источники права Европейского союза требуют уважения прав человека, фундаментальным образом не меняет контролирующие функции Европейского Суда в отношении Европейского союза по сравнению

¹ По мнению Европейской комиссии по правам человека (озвученному в замечаниях третьей стороны), механизм Регламента Брюссель I обеспечивал эффективный надзор за правом на справедливое судебное разбирательство в форме оговорки о публичном порядке.

с функциями, осуществляемыми в отношении государственных конституционных систем. В конечном счете, конвенционные права, как правило, гарантируются конституцией и судебной системой соответствующего государства. Кроме того, в настоящем деле у Суда Европейского союза не было возможности предоставить ожидаемую от него защиту прав человека. Если право Европейского союза действительно может накладывать на государства-члены обязанность соблюдать права, гарантированные Конвенцией, и если суды других государств, нежели государство, в котором выносятся решения, могут предположить, что данная обязанность была исполнена, ничто автоматически не гарантирует, что первое государство действительно исполнило эту обязанность, вследствие чего второе государство, доверяющее первому, нельзя признать освобожденным от какой-либо ответственности. Даже несмотря на то, что государства не связаны обязанностью проводить углубленное рассмотрение дела по собственной инициативе, второе государство всё же должно осуществить контроль в объеме, необходимом для эффективной защиты прав, и проверить заявления лица, которое приводит достаточно убедительные доказательства несоблюдения прав человека в первом государстве. В противном случае была бы создана система, на которую не распространялся бы контроль, осуществляемый в соответствии с Конвенцией. Достоин сожаления тот факт, что Верховный суд Латвийской Республики не позволил системе Европейского союза рассмотреть жалобы заявителя. Европейский Суд должен и далее проверять, соответствуют ли действия государств, какими бы не были их причины, положениям Конвенции,

а государства по-прежнему обязаны исполнять обязательства, возложенные на них Конвенцией.

9. По-моему, интересам защиты прав человека не отвечает распространение босфорского принципа на случаи, когда у внутригосударственных судов предположительно отсутствуют дискреционные полномочия для проверки соблюдения прав, гарантированных Конвенцией¹. В данном случае имеется также небольшая непоследовательность. По крайней мере, я не вижу сравнимых презумпций эквивалентной защиты в случае применения положений Устава Организации Объединенных Наций, даже когда у Совета Безопасности Организации Объединенных Наций имеется исключительная юрисдикция по соответствующему вопросу. Наконец, распространение применения босфорского принципа на вопросы взаимного признания (данный вопрос определенно не сводится к брюссельскому регламенту о приведении в исполнение судебных решений), судя по всему, создает презумпцию, которая в реальности никак не проверяется, даже, по мнению Суда Европейского союза, о чем свидетельствуют недавно рассмотренные им дела №№ C-404/15 и C-659/15 PPU. Европейский Суд должен оставаться верен позиции, выработанной им в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (по поводу исполнения иностранных судебных решений в контексте статьи 6 Конвенции см. Постановление Европейского Суда по делу «Пеллегрини против Италии», жалоба № 30882/96, *ECHR* 2001-VIII, а также см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Х. против Латвии» от 26 ноября 2013 г., жалоба № 27853/09, *ECHR* 2013).

¹ В этом отношении я нахожу более убедительной позицию Европейской комиссии по правам человека, но Европейский Суд обязан толковать право Европейского союза не более, чем он обязан толковать внутригосударственное законодательство, вследствие чего я не могу сослаться на данные соображения.